

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2022 | май | sibforum.sfu-kras.ru
интеллектуальный
диалог

16+

Фото Марии ЛЕНЦ, КП

КЛЮЧ К ГОРОДУ

Впереди лето, время поездок и путешествий. А мы решили посмотреть не куда-то вдаль, а на свой город. Чем он хорош, что в нём может открыть для себя не только гость, но и коренной красноярец. Если ещё постараться избежать самого популярного (Столбы, Бобровый лог, ГЭС, Татышев), то задача не такая простая.

Алексей Николаев
МОЯ СИБИРИАДА

«Москва всё-таки высасывает энергию, а здесь я её легко восполняю. Какой бы ни был уставший, на полчаса уехал на Столбы, Торгашинский хребет или Манскую петлю – и снова живой».

2

Анатолий Щелканов
ГЛЯНЕЦ ПОДЧЁРКИВАЕТ

«Книги как дети: выношено, выстрадаано! А уж когда лист выходит из машины, зависаешь над ним, забывая о времени. Больше всего люблю издавать книги по истории края, Сибири. Пока самая любимая – монография основателя краеведческого музея А.И. Кытманова».

18

Илья Кузнецов
СКРЫТО ИСТОРИЕЙ

«Если бы у нас был туристический маломерный флот! Красноярск, конечно, не Амстердам, но и у нас все основные культурные исторические объекты связаны с рекой».

20

Текст _ Ольга ИВЛЕВА

Коллектив
конноспортивного клуба
«Талисман» празднует
5-летие создания

Как я стал сибиряком

В марте 2012 года столичный специалист по инвестициям сложил свои вещи во внедорожник и отправился в Дивногорск. Предполагалось, что сибирская командировка продлится полгода, но продолжается она до сих пор. За десять лет москвич исколесил Красноярский край вдоль и поперёк, привлекал инвестиции в реальный сектор экономики и инфраструктуру региона, управлял промышленным парком, построил конноспортивный клуб и... стал сибиряком.

О том, как Сибирь меняет людей, почему наш регион станет центром притяжения для профессионалов со всей России и как изменится в ближайшие годы Красноярск, мы говорили с новым руководителем красноярского Института города **Алексеем НИКОЛАЕВЫМ**.

— Почему вы приехали в Красноярск?

— Моё сотрудничество с Красноярским краем продолжается с 2005 года, когда началась борьба регионов за федеральное финансирование в рамках Инвестиционного фонда РФ. Тогда для этих целей при Представительстве Администрации Красноярского края в Москве создали Институт региональной политики, большинством сотрудников которого стали выпускники МГУ, я в том числе. Первым масштабным проектом, в котором я участвовал, было Комплексное развитие Нижнего Приангарья. К тому моменту я три года как окончил географический факультет по специальности «Экономическая и социальная география России».

— Неожиданно.

— Экономгеография — это про пространственное развитие, про урбанистику, про привлечение инвестиций и размещение производительных сил. Хотя школьником я готовился поступать на экономический факультет, но в 1996 году вокруг готовили одних экономистов да менеджеров. Учительница моих самых нелюбимых предметов — русский язык и литература — посоветовала присмотреться к географическому факультету, во многом определив траекторию моей жизни. Спасибо вам, Марина Робертовна! Потом оказалось, что в моём случае география — не специальность, а диагноз!

— И какие симптомы?

— В первую очередь пространственное видение любого вопроса. Геофак даёт системные

знания обо всём, «от геологии до идеологии». Опираясь на них, ты можешь синтезировать проектные решения на любой территории. Так что у меня универсальная специальность. А ещё из симптомов — любовь к регионам России, к путешествиям: из 85 субъектов России я побывал уже в 77, объездил почти всю Европу и половину Ближнего Востока.

— Какие путешествия были самыми безумными?

— Запомнились поездки автостопом из Москвы на Байкал в 2000-м и по Сирии в 2003-м. Велопробеги по Сицилии (2004 г.) и по Тыве (2005 г.). Восхождение на пятитысячник в Таджикистане (2006 г.) и поход по «минным полям» Зангезурского хребта на границе Армении и Азербайджана в 2007-м. Попытка «лишиться» водительских прав за остановку железнодорожного движения на болотах где-то между Костромской и Вологодской областями (2009 г.) и автопробег вокруг Чёрного моря в 2010-м.

— Вернёмся в 2012-й, когда вы приехали в Красноярск из Москвы.

— В 2011-2013 годах Корпорация развития Красноярского края, созданная первой в России в 2006 году как региональный институт развития и инструмент работы с инвестициями, готовила проект Ангаро-Енисейского кластера, и меня «по старой памяти» пригласили как подрядчика.

Когда через год предложили стать заместителем директора Корпорации на постоянной основе, я загрузил свои вещи в машину и отправился в автопробег Москва — Красноярск.

— А почему на авто, не самолётом?

— Знал, что по работе понадобится машина для поездок по региону. Да и вообще люблю путешествовать на автомобиле. Как-то в Новый год мы за 10 дней сгоняли из Красноярска во Владивосток и обратно.

В 2014 году меня пригласили развивать промышленную площадку в Дивногорске, и я не-

сколько лет трудился директором управляющей компании «Дивногорского индустриального парка».

— Почему не вернулись в Москву?

— К тому времени я уже женился, запроектировал и построил в Дивногорске конюшню. В конноспортивном клубе «Талисман» дети и взрослые занимаются верховой ездой, проводят реабилитацию детей с особенностями развития (иппотерапия), там проходят краевые соревнования по конному спорту. Как бизнес, в плане окупаемости, это сложная история. Это моя социальная ответственность, что ли. Когда-нибудь напишу книгу про развитие малого и среднего бизнеса в Сибири, потому что и с проектом конноспортивного клуба, и с проектом частного промышленного парка мы прошли «семь кругов ада».

— Как будет называться книга?

— «Как я стал сибиряком». Первый абзац уже написан.

— А вы стали сибиряком?

— Окружающие считают, что да! Даже акцента московского не осталось, говорят. Недавно «окрестили» почётным дивногорцем) Правда, темп жизни у меня по-прежнему столичный.

— В чём особенности ведения малого и среднего бизнеса в Сибири?

— В принципе особенность работы в регионах России — это «ручное» управление везде и всегда. Нужно точно знать, к кому именно обратиться за решением определённого вопроса, а ещё лучше быть лично знакомым с этим человеком, иначе тебя по такому кругу пустят по всем вопросам, что бросишь всё на полдороге. Поэтому важны такие инструменты сопровождения предпринимателей в режиме «одного окна», как «Мой бизнес» и корпорации/агентства развития. Но в Сибири определён возможностей больше.

Например, у регионов Енисейской Сибири недооценённый туристический потенциал. Мы находимся между двумя раскрученными международными брендами — Байкалом и Алтаем.

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 4 (97) от 24 мая 2022 г.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24-00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 9, каб. 4-21, т. (391) 206-53-35, e-mail: newspaper@sfu-kras.ru
Главный редактор: В.М. Ефанова // Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна // Распространяется бесплатно.

// Отпечатано: ИП Воротников Д.А.
// г. Красноярск, ул. Республики, 51
// Подписано в печать 20.05.2022 г.
по графику — 17,00, фактически — 17,00
// Заказ № 1274 / Тираж 3000 экз. //

На Байкале в марте-апреле пробки на льду озера от желающих сфотографироваться, а на Алтае летом практически негде припарковаться вдоль Чуйского тракта. У нас места далеко не хуже (плато Путорана, Красноярское море, Ергаки, природные объекты в Хакасии и Тыве), но они менее известны в России, и пока не развита сопутствующая инфраструктура для туристов.

— Чем заняться туристам в Красноярске?

— Любоваться на город с Николаевской сопки либо от часовни Параскевы Пятницы. Гулять по красноярским Столбам и кормить белок (которые, кстати, в три раза больше московских!), подняться на Торгашинский хребет по самой длинной в России лестнице. Кататься на роликах или велосипеде по острову Татышев, кормить там сусликов, а если повезёт и лисиц, мороженым. Пробовать самую вкусную сибирскую кухню красноярских рестораторов.

В Дивногорске гулять по лучшей набережной России (по версии профессионального журнала AD Design Award 2020), а зимой — кататься «по пухляку» на склонах горнолыжного комплекса «Дивный». Я только через несколько лет жизни в Сибири открыл для себя Красноярское море зимой: там «движуха» нереальная на льду — людей больше, чем «в центре Мира»: рыбаки, лыжники, снегоходчики, сноубайтеры, дрифтеры, участники разных соревнований и просто отдыхающие.

В Красноярске много интересных культурных событий проходит, международные спортивные соревнования. Энергетика здесь совсем другая, положительная.

— Что, на ваш взгляд, может привлечь туристов в Красноярский край?

— Плато Путорана, озеро Виви, Тунгусский метеорит, село Сурина. Арктика и Север края в широком смысле могут предложить гостям пусть достаточно дорогой и не массовый туристический продукт, но впечатляющий.

В мире есть всего две точки, откуда можно долететь до дрейфующего ледового лагеря Барнео в непосредственной близости от Северного полюса, — это норвежский Шпицберген и наша Хатанга. Там, на Таймыре, ребята из Русского географического общества сейчас вместе с партнёрами создают научно-туристический кластер «Хатанга — Долина Мамонта». У Норильского никеля запущена реализация масштабного проекта «Затундра» на озере Лама и прилегающих территориях.

На юге края — это Шушенский бор, гора Борус, музей Ленина в Шушенском и лучший в России региональный природный парк «Ергаки». Есть также озеро Тиберкуль, Кинзельковский водопад или пик Грандиозный — классные, но труднодоступные объекты. Сейчас благоустраиваем село Парное на Шарыповских озёрах.

Спрос на внутренний туризм есть, но существует проблема качественного предложения. В Ергаках, например, базы отдыха в основном все уже «убитые». А для нового строительства много градостроительных, экологических и инфраструктурных ограничений. У Института города сейчас одна из задач — мастер-планирование таких туристско-рекреационных кластеров.

Многие красноярцы на машинах «дикарями» ездят летом на пляжи в Приморск или Анаш, а наша задача — запланировать комфортную инфраструктуру по берегу Красноярского водохранилища. Сейчас делаем предпроектное исследование, чтобы в перспективе запустить чартерные водные маршруты от Красноярской ГЭС до Саяно-Шушенской ГЭС.

В 2024 году, к 100-летию писателя, на базе музея в Овсянке будет построено Национальный центр В.П. Астафьева. В рамках подготовки к юбилею важно продумать всё — от бренда территории до организации тротуаров, туалетов, автопарковок, причала для электросудов. Институт выступает заказчиком разработки концепции благоустройства всего села, чтобы оно было интересно не только для внешних туристов, но стало любимым местом отдыха красноярцев, куда бы они приезжали сходить в музей, погулять, посидеть в кафе.

— Институт города был создан в 2020 году с одним учредителем — СФУ, через год в состав учредителей вошёл Красноярский край.

— В ближайшее время, надеюсь, состав учредителей пополнится городом Красноярском. Таким образом, будет возможность выстроить эффективное взаимодействие всех уровней власти — муниципального, регионального и федерального. СФУ — как идеологический и кадровый центр, генерирующий смыслы. Краевое правительство — управляющий центр. Город — как основная площадка работы. Сейчас мы меняем

устав, структуру управления, расширяем сферы деятельности и штатную численность под все эти задачи.

А основная задача, которую в 2020 году Институту делегировало министерство строительства Красноярского края как представитель учредителя, — сопровождение реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» на территории Красноярского края. Аккредитованные при Институте организации разрабатывают проектную документацию на общественные пространства, выбранные населением в ходе рейтингового голосования, а муниципалитеты потом на основе неё строят соответствующие объекты. Так, в этом году будут благоустроены 31 общественное пространство в 25 муниципалитетах края, запроектированные в прошлом году.

Мы помогаем муниципалитетам системно реализовывать задачи благоустройства и комплексного развития территорий. Например, за прошлый год Институт разработал ряд регламентов и стандартов благоустройства для всех муниципалитетов края. По комплексному развитию территорий (КРТ) сейчас тоже развивается тема — это механизм, когда девелоперы сносят ветхое и аварийное жильё и строят новые кварталы и микрорайоны с учётом нормативов по обеспечению парковками, школами, детскими садами и т.д.

— Есть уже примеры?

— Как и в других регионах, закон о КРТ в крае принят недавно, летом прошлого года. По предварительным оценкам, в Красноярске порядка трёх тысяч гектаров староосвоенных жилых территорий подходят под требования закона о КРТ. В городе уже запущены локальные проекты на ул. Вавилова, в Николаевке.

КБ «Стрелка» по заказу правительства края разрабатывает стратегический мастер-план Красноярской агломерации до 2035 года с промежуточным этапом в 2028-м, к юбилею города. Я считаю, что Институт как региональный центр компетенций вполне мог бы справиться с решением части задач и проектов мастер-плана, связанных с планированием реновации территорий, развитием зелёного паркового пояса, развитием территорий вдоль Енисея. Поэтому сейчас Институт перестраиваем под решение и таких задач.

— Как развивается сотрудничество с СФУ как учредителем?

— Есть идея запустить цикл разноформатных мероприятий с целью лучше понять Красноярск, сформулировать смыслы, более чётко определить вектора его развития, измерить его масштаб и глубину, увидеть его жителей, осознать его место в глобальном контексте. В преддверии 400-летия предполагается встречаться и говорить, обсуждать и спорить, думать и рассуждать об общем будущем. Городские сообщества, инфлюенсеры, профессионалы, студенты, активные горожане, местные, федеральные и, возможно, мировые эксперты будут учиться диалогу на площадке университета.

Среди задач — вовлекать студентов в работу по специальности, повышать уровень компетентности преподавательского состава. В идеале — чтобы лекции читали практики. Налаживаю сотрудничество с другими регионами, чтобы привозить лекторов, транслировать интересный опыт.

Прямо сейчас мы хотим привлечь студентов в процесс проектирования общественных пространств с возможностью дальше реализовывать проекты. То есть сначала они «в полях» соберут мнения жителей, как развивать местные общественные пространства, потом поучаствуют в разработке соответствующих проектов.

— Сложно привлекать жителей к проектированию общественных пространств?

— Соучаствующее проектирование — это новый инструмент, нужно ещё уметь управлять им и интерпретировать результаты. Одни жители хотят, чтобы на центральной площади были

сквер и автобусная остановка, другим нужна площадка для выгула собак, при этом надо ещё, чтобы учитывались существующие градостроительные ограничения. В идеале хотелось бы, чтобы сформировались местные сообщества, которые бы помогали потом развивать территорию. И вот студенты СФУ — архитекторы, социологи, экономисты — будут работать с этими новыми инструментами и сами развиваться в профессиональной сфере.

— Когда принимали предложение возглавить Институт города, предполагали, что будет такой объём работы?

— У меня был выбор вернуться в Москву или остаться, и это предложение мне понравилось именно амбициозностью задач. Я человек нелинейной работы, не представляю, что она может занимать только время с 9 до 18, но мне должно быть понятно, для чего я всё это делаю. Здесь же на повестке большие проекты, интересно. За 10 лет работы в Сибири уже наработаны немалые контакты, и многие нетривиальные вопросы решать проще.

— Какие главные результаты у вас за эти 10 лет?

— В рамках края, пожалуй, это результаты работы «на земле» — клуб «Талисман» и Дивногорский индустриальный парк. Когда работал в Корпорации развития Енисейской Сибири, мы создали платформу для привлечения инвестиций в регион и сопровождения масштабных инвестиционных проектов. Личная репутация — тоже важный для меня результат, трижды выстраивал её с нуля. Первый раз после университета. Второй раз — когда в кризис 2008 года ушёл с наёмной работы и открыл свою консалтинговую фирму. В третий раз — когда приехал в Сибирь, где у меня вообще почти никаких связей не было.

— Есть какие-то особенности в Красноярском крае для инвесторов?

— Да, это профицитный регион с крупными компаниями — налогоплательщиками. Для иностранных инвесторов было важно создать первый эффект, показать, куда они едут. Особенно канадцам, которые даже не слышали о Красноярске, тем более о Хакасии или Тыве. Называешь некоторые мировые бренды — «Русал», «Роснефть», «Норникель», «Полюс». Говоришь, что тут прошла всемирная студенческая Универсиада. Тут институт Поля Бокюза находится. Это, кстати, особенно французов поражает — «да ладно, их в мире всего шесть, а в Красноярске численность студентов такая, как во всех этих шести вместе». Показываешь природные красоты. После этого уже можно разговаривать предметно про инвестиции.

12 триллионов заявленных инвестиций до 2035 года с точки зрения стабильности экономики региона создают все предпосылки для опережающего развития. Но вопрос, как такие большие проекты квалифицированными кадрами обеспечить, а их нужны тысячи. По техническим специальностям, особенно по айтишникам, можно удваивать выпуск в вузах, и у всех будет работа. Мне часто знакомые звонят в поисках инженеров, архитекторов, конструкторов, управленцев, бухгалтеров. Очень востребованы синие воротнички — рабочие специальности.

— Какие минусы, на ваш взгляд, в нашем крае?

— Отсутствие природного газа, что шокирует внешних инвесторов, поскольку на нём завязана экономика многих технологических процессов.

Расстраивает, когда местные жители не любят свой край и город, хотят уехать. Здесь огромные возможности, но при этом большой кадровый дефицит. Прирост молодого населения дал бы хороший эффект в развитии региона.

Решение экологического вопроса позволило бы миграцию населения из соседних регионов перенаправить не в Москву, а сюда. Хотя уже вижу изменения: ещё несколько лет назад я в Красноярске был одним из немногих «московских гастарбайтеров», а сейчас мой случай можно сказать рядовой, потому что всё больше специалистов переезжают на постоянную работу в Красноярский край вслед за перемещением сюда офисов своих компаний.

Москва как мегаполис всё-таки сильно высасывает энергию, а в Красноярске её легко восполнить. Какой бы я ни был уставший — не более получаса, и ты на Столбах или Торгашинском хребте, в настоящей тайге, среди леса и гор. И уже через час снова «живой».

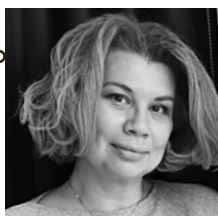
Когда жил на набережной в Дивногорске, отправлял московским друзьям фото Енисея из окна дома и получал завистливые комментарии: «Красота у вас там, только до метро далеко!».

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Точка притяжения молодых, умных

Любой вуз притягателен в первую очередь уровнем образования, которое он даёт. Здесь у Сибирского федерального университета всё нормально: он входит в двадцатку, а по отдельным направлениям в тройку-пятерку лучших университетов страны. Но помимо образования высшие учебные заведения имеют массу «крючков», которые на всю жизнь цепляют тех, кто попал в их орбиту. Сегодня с проректором по информационной политике Евгенией ТУРТАПКИНОЙ и ответственным секретарём приёмной комиссии Маргаритой КУЗНЕЦОВОЙ мы обсуждаем то, чем привлекателен СФУ не только для абитуриентов всей страны, но и для взрослых жителей региона.

Евгения Туртапкина:
«Уже не вуз, а макрорегиональная сервисная платформа»

— В крае, наверное, нет школьника, который бы не знал об СФУ и не рассматривал его в числе приоритетных вариантов поступления. А как вы считаете: тот, кто живёт в Красноярске, должен здесь и начинать строить своё будущее? Или молодым рекомендовано осваивать новые дали?

— Здесь нет идеального правила и прописной истины. Ведь сейчас человек за свою жизнь может получить бесконечное количество образований. Это может быть и бакалавриат, и магистратура, и повышение квалификации, и краткосрочные курсы. Это раньше ребёнок после школы выбирал себе траекторию едва ли не на всю жизнь. А теперь уже норма, что человек в течение жизни может менять не просто место работы, а сам тип деятельности. Например, работать банковским клерком, а потом стать консультантом по туризму.

Поэтому поступает ли человек к нам или выбирает другой университет, мы его не теряем. Если коммуникация школьника с СФУ началась, будь то в 6-м классе или в 11-м, она не оборвётся и почти всегда продолжится. Даже отучившийся в другом месте человек может вернуться в родной город и поступить к нам в магистратуру. Или пройти здесь курсы.

Конечно, классно было бы, если бы все школьники Красноярска поступали в СФУ. Тем более что у нас есть возможность выучить всех, дать старт блестящей социализации, получения профессиональных и над-

профессиональных навыков. Но тогда мы были бы самым уникальным университетом планеты. Потому что свойства молодости — в поиске. И в 18 лет кажется, что там, за горизонтом, всё гораздо лучше.

С другой стороны, последние годы мы фиксируем интересную тенденцию. К хорошему же быстро привыкаешь. И когда мы начинаем общаться со школьниками, приглашать их в университет, втягивать в свою орбиту, показывать им уровень культуры, доброжелательности, подчеркнутой заинтересованности в каждом, готовности видеть в них героев — школьники к этому привыкают. И думают: раз уж в СФУ так здорово, то в Москве их ждёт просто голливудская слава. И едут туда.

Конечно, плотность событий в столицах выше. Но что касается университетской среды, здесь ребята часто бывают обескуражены. В столичных университетах к ним нет такого внимания. Я уже не говорю про социальные факторы: бытовые условия, медицинское сопровождение, про возможности культурного развития, занятия спортом. Это ни в какое сравнение не идёт. Они-то рассчитывали найти там то же, что в СФУ, умноженное на десять...

— А получается, придётся делить на десять...

— И часто ребята, уехавшие от нас, начинают сомневаться: правильный ли они сделали выбор. Тем более остаются друзья, которые поступили к нам, и они рассказывают, что СФУ — очень даже конкурент столичным вузам.

Поэтому приёмную кампанию 2022 года мы строим на посыле: выбирая путь, будь умнее. Не ориентируйтесь только на рекламные ролики и стереотипные представления, что всё лучшее — только в столице.

— У федеральных университетов, помимо обязанности работать на

Студенческий бульвар СФУ проходит через лес

мировом уровне науки и образования, есть миссия поднимать свои регионы. В этом смысле насколько СФУ интересен как партнёр для власти, для муниципалитетов, для отдельных отраслей?

« — Действительно, у федерального университета миссия такая, что слово «вуз» по отношению к нему уже кажется устаревшим. СФУ — это мегаплатформа.

Здесь можно получить образование и компетенции разного уровня, можно проводить эксперименты, разрабатывать технологии, апробировать их и внедрять в экономику. Это и большая экспертная платформа, которая может генерировать решение комплексных задач для территорий, — в качестве примера можно привести работу по реновации Норильска, где специалисты СФУ принимают активное участие.

Для края СФУ — сосредоточие интеллектуального потенциала. Здесь создан научно-образовательный центр «Енисейская Сибирь», который призван решать задачи трёх регионов. При этом университет должен отстроить работу со всеми интеллектуальными силами края — это НИИ, вузы, конструкторские бюро, испытательные центры при предприятиях. Университет должен аккумулировать этот потенциал, организовать аудит, увидеть, чего не хватает и как это нарастить, а в итоге выдать проектное решение той или иной комплексной задачи. Сейчас эти решения во многом будут связаны с политикой импортозамещения.

— Не побежали ещё предприятия в университет за импортозамещающими технологиями?

— Я не могу сказать слово «побежали», но отношение к сотрудничеству с университетом изменилось. Раньше партнёрские коммуникации в основном заканчивались инфраструктурными решениями («давайте мы откроем учебную лабораторию или поставим тренажёр»). У предприятий все технологические цепочки были отработаны, и менять их, даже если у нас были предложения, не было необходимости. Теперь ситуация другая. Есть реальный запрос на отечественные технологии. И предвидя этот запрос, мы уже провели гигантскую работу.

Мы собрали все наши разработки, которые находятся в разной степени готовности: где-то есть только фундаментальные основания, а где-то уже тестируется стартовый образец. Мы их просеяли, провели экспертный аудит и представили пакет — 140 предложений, которые уже сейчас могут быть востребованы предприятиями Восточной Сибири. Пакет предоставлен нашим партнёрам, и научный офис СФУ находится в интенсивной стадии переговоров — компании заинтересованы в сотрудничестве.

— Чем помимо широкого выбора курсов дополнительного профессионального образования СФУ привлекает взрослое население, горожан?

— Мне интересно направление гражданской науки и то, что называют научным волонтерством. Приведу пример. В прошлом году при работах в районе Шинного кладбища были обнаружены находки, которые могли представлять археологическую ценность. Работы приостановили, нам предложили в сжатые сроки изучить этот вопрос. Гуманитарный институт СФУ попросил департамент информационной политики кинуть клич среди горожан: кто готов помочь в раскопках? Мы предоставляли авто-

бусы, инвентарь, чай и нескучные выходные. Но где-то через час нас попросили снять объявление, потому что количество отозвавшихся людей превышало всякий мыслимый объём — у нас не было ни столько автобусов, ни столько лопат. Однако горожане пришли со своими лопатами! И работа была сделана быстро и качественно. А мы увидели, что есть запрос на такие вещи.

Научное волонтерство включено в планы нашего стратегического проекта «Приоритет 2030», связанного на зелёную экономику. Это может быть, например, фиксация объектов, фотографирование лишайников, деревьев, которые дают важные сведения об экосистеме.

« Мы рады, что появилась этот запрос на знания. Люди хотят изучать темы глубже и быть полезными, а университет может им это дать. »

Если университет включается в решение проблем, которые волнуют людей, то это сильный университет. Так, несколько лет назад по запросу депутата Ильи ЗАЙЦЕВА наши учёные-химики изучили состав так называемых снюсов, и в результате был принят закон о запрете продажи снюсов в крае. Я считаю, это великолепный результат. Или, допустим, запрос жителей на восстановление Абаканской протоки. Всё это не мелкотемье, а отражение того, насколько университет масштабен — мы можем находить команды под решение любых задач.

— СФУ позиционирует свою открытость. А что из этой открытости наиболее востребовано: образовательные программы, возможности библиотеки, сервисы поликлиники, события, которые проходят в СФУ? Или, может быть, студенческий туризм?

— Студенческий туризм — хороший пример федеральной программы, где СФУ является одним из ключевых участников. Программа предоставляет студентам возможность путешествовать по стране, останавливаясь в кампусах. Такой бюджетный тревелинг. Чем СФУ лучше всех в этом отношении? Мы находимся ровно посередине России. Те, кто едут с востока на запад или с запада на восток, не могут нас миновать. Я уже не говорю о том, что сам Красноярск — потрясающая туристическая точка. В черте города можно увидеть национальные достопримечательности России — Столбы и Енисей. И сам по себе кампус — достопримечательность. На территории университета парк Гремячая грива, а на одном из объектов кампуса — спортивном кластере «Сопка» — мы сделали туристическую канатно-кресельную дорогу: за 40 рублей можно подняться и увидеть неземную красоту окрестностей города.

Если говорить о том, что востребовано горожанами, то помимо кампуса это в первую очередь наши спортивные объекты. Мы планируем, что спорткомплекс «Радуга» станет центром семейного отдыха. Там шикарные локации, детские площадки, 50-метровый бассейн, открытые трассы для занятий бегом, лыжами, залы для скалолазания и фехтования, для гольфа. А ещё у нас есть ресторан «Истории», где каждый день с 12 до 15 часов студенты

Института гастрономии предлагают горожанам изысканное меню обедов по демократичным ценам.

Вообще, кампус СФУ — это территория нового образа жизни. Экологичного — потому что мы будем здесь внедрять и отрабатывать новые экостандарты и передавать их городу. Спортивного — потому что мы задаём тренды образа жизни для мегаполиса, который находится... в тайге! На берегу великой реки.

Всё, что есть в Красноярске, это очень сильные места. И красноярцы почувствовали гордость за город, а нам приятно представлять Красноярск и делать его лучше.

— Событийная составляющая из-за пандемийных лет сильно просела. Но сейчас в СФУ создаётся конгресс-бюро. Какая его цель и ближайшие планы?

— В университете каждый день что-то происходит: научное, спортивное, культурное. А запрос общества на проведение мероприятий в СФУ всё растёт, и мы не всегда знаем, что можем провести, а что нет.

Чтобы упорядочить эту работу, сформировать эксплоплатформу для организации и проведения событий любого уровня и масштаба, и создаётся конгресс-бюро. Оно должно выработать политику организации мероприятий, задать правила, каноны, стиль и уровень проведения. Почему бюро? Потому что в прошлом году кампус СФУ получил статус национальной выставочной площадки. Мы сертифицированные члены Национального конгрессного бюро. Это значит, что для всех мероприятий, которые проходят под эгидой Росконгресса (а они направлены на продвижение России, её возможностей, как туристических, так и деловых), СФУ — подходящая площадка. Основные российские центры экспо (Москва, Санкт-Петербург, Казань), конечно, хороши и комфортны, но мировой тренд в том, что есть запрос на что-то новое. В этом смысле Красноярск с его отличным аэропортом, развитыми транспортными сетями, гостеприимной инфраструктурой занимает выгодную позицию. А СФУ — одна большая эксплоплатформа, у нас есть залы любого уровня и наполнения: концертные, спортивные, выставочные. Что говорить, если два года Красноярский экономический форум проводится в СФУ. Так что эту работу мы усилим, чтобы привозить сюда федеральные мероприятия.

Маргарита Кузнецова:
«Обращайтесь без посредников»

— Маргарита, как год от года меняются характеристики абитуриентов, приезжающих поступать в СФУ?

— Два прошлых пандемийных года прошли под знаком неизвестности и тревожности, школьникам были непонятны сами процедуры поступления. И мы тогда особенно старались внедрять формат общения с абитуриентом, рассказывая об университете так, чтобы было нестрашно, понятно и легко поступить.

В этом году можно отметить, что наш абитуриент изучает информацию, вникает в конкурентные преимущества вузов. Он хочет поступить туда, где ему дадут конкретные перспективы. А ещё ему нужно человеческое общение. И мы построили приёмную кампанию на этих характеристиках абитуриента, его потребностях. Мы понимаем уровень стресса, который ребёнок и

родители испытывают на этом жизненном этапе, и стараемся помочь.

— Как именно?

— В первую очередь за счёт безбарьерной коммуникации. Родители и абитуриенты, рассматривая наш университет, должны сразу видеть, кому они могут задать вопрос. Пул исходящей информации построен так, чтобы априори ответить на главное. Кем ты станешь, выбрав специальность. Какие знания получишь в том или ином институте. Какие перспективы трудоустройства после вуза. И более близкое: какая стипендия. Где будешь жить, где учиться. Кто преподаватель. Все эти моменты волнуют абитуриентов. И у нас они находят ответы.

« Отмечу: если в прошлом году с абитуриентами 24/7 работали специалисты приёмной комиссии, то в этом году это авторское общение: отвечаю я, отвечают директора институтов, наши реальные учёные и студенты. »

Например, дети спрашивают: стоит ли получать диплом такого-то конкурса, даст ли это дополнительные баллы при поступлении? Это важно школьникам, а мне доставляет удовольствие им всё разъяснять.

Недавно обратилась мама одиннадцатиклассника из Абана. Её сын Максим грезит физикой, он медалист, с отличием оканчивает школу, участвовал в конкурсе «Вектор будущего» с проектом в области зелёной энергетики, очень перспективным, кстати. Даже директор Института инженерной физики и радиоэлектроники А.В. Минаков проект оценил. Так вот, выпускнику надо было определиться с выбором института. Мы пригласили его в университет, организовали ряд встреч. Потому что понимаем, насколько важно талантливым детям выбрать направление, видеть, куда поступать. Ни один московский вуз такого не сделает.

Безбарьерная коммуникация — без посредников — в нынешнюю приёмную кампанию возведена в абсолют.

— Но ведь СФУ принимает более пяти тысяч первокурсников, а заявлений подаётся втрое больше. Вы каждого не сможете взять за ручку и провести по университету.

— Вообще-то сможем. Если не я лично, то за счёт каналов коммуникации, которые все на это заточены.

Мы оперативно отвечаем и в ВК, и в Телеграме, и в других мессенджерах.

— Какие-то особые технологии используете?

— Мы дорабатываем мобильное приложение и систему АИС-абитуриент, которые позволят подавать заявление без распечатки документов. Там будет возможность электронной подписи — это интересный технический момент.

— Скажите, а зачем вообще привлекать абитуриентов из других регионов и тем более стран? Это ведь головная боль: им нужны общежития, требуется период адаптации.

— Я сейчас буду говорить лозунгами, но мы — самый гостеприимный университет России на сегодняшний день. Мы не просто не задаём вопроса «зачем нам иногородние», мы рады им, и у нас есть все возможности для обеспечения их комфортными условиями. Каждому предоставим общежитие, каждому!

Мы провели анализ регионов России на предмет количества выпускников школ и количества бюджетных мест в их региональных вузах. На основании этих данных увидели, где есть незакрытый спрос на обучение. Например, в Башкирии, на Алтае количество выпускников превышает число мест в вузах. И мы целенаправленно обращаемся туда, чтобы талантливым школьникам показать ещё одну замечательную траекторию, которая может стать для них преимущественной. Проводим конкурсы — спасибо пандемии, мы научились дистанционным форматам. Разрабатываем программы поддержки иногородних ребят. Например, компенсация проезда — хорошая мера. Так что ждём всех.

— Абитуриентам с самыми высокими баллами СФУ предлагает беспрецедентные условия обучения. Расскажите об этом.

— Программа поддержки талантливых абитуриентов «Университетская долина» действует второй год. Какие-то вещи мы переформатировали и сейчас предлагаем абитуриентам с баллами ЕГЭ выше 90, во-первых, общежития повышенного комфорта, во-вторых, стипендию от 20 тысяч в месяц. А те, кто мотивирован на проведение собственного исследовательского проекта, с первого курса получают также научного куратора, который будет помогать ребятам в развитии их идей, в участии в конкурсах. Это пакетное предложение.

— Стипендия, равная зарплате, и шикарные условия в общежитии, безусловно, у абитуриентов в приоритете. А что ещё?

— Абитуриенты у нас разные, и запросы их тоже разные. Кому-то важна учёба, они идут в СФУ на образовательные программы. Кому-то важна ещё и творческая составляющая или спортивные достижения. А кому-то важно пойти на оплачиваемую практику. Все эти запросы мы можем обеспечить. Нам от Универсиады досталась крутая спортивная инфраструктура, а про творческие коллективы и говорить нечего — их около ста. Плюс возможность реализовать свою общественную активность — в экологических акциях, волонтерском движении и т.д.

В СФУ каждый имеет возможность реализоваться. И так приятно потом видеть достижения наших выпускников. Например, недавно порадовал Владимир ТАРАСОВ. Учась в университете, он работал в медиапарке СФУ, а теперь снял крутой документальный фильм, который идёт в кинотеатрах — «Там, где наш дом».

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

«Красноярск — это коробка сюрпризов»

Многие красноярцы привычно гордятся своим городом и не сомневаются, что он лучший в Сибири. А каким Красноярск видится со стороны? Проще всего узнать это у тех, кто оказался здесь впервые и никогда раньше ничего о нём не слышал.

Наши собеседники знакомились с городом в разное время. **Мария ЧЖАОХУН**, председатель красноярской региональной общественной организации «Китайская община», которая, к слову, в следующем, 2023-м году, отметит 30-летие со дня основания, приехала в столицу края из Поднебесной ещё в 1990-х. **Даниэль Диас де КИХАНО БАРБЕРО**, учёный-лимнолог, оказался в Красноярске семь лет назад.

Мы задали им одни и те же вопросы: насколько типичен наш сибирский мегаполис, с точки зрения иностранца, чего они не ожидали найти здесь, что мешает. Спрашивали о том, почему наши гости приехали на берега Енисея, как осваивали русскую культуру и язык, а также какие местные достопримечательности показали бы своим друзьям в первую очередь. Ответы, конечно, получились разные, но общая картина порадует всех, кто любит Красноярск.

Что у нас удивительного

Мария: Поскольку наша семья из Китая, а это одна из самых густонаселённых стран мира, нас в первую очередь поразило то, как мало людей на улицах Красноярска. Для местных жителей — это норма, а для приехавших из КНР свобода и просторы города, раскинувшегося на берегах Енисея, кажутся невероятными.

Ещё одно сильное впечатление — доброжелательные, сердечные, отзывчивые люди. Приведу красноярский пример. В Китае зимой шапки мало кто носит, поэтому мы по привычке и в Красноярске во время самого холодного в России сезона шли по улице без головных уборов. И к нам начали подходить горожане, которые искренне переживали, что мы замёрзнем. Такое неравнодушное отношение приятно удивило, поскольку на моей Родине народ бо-

лее сдержанный, увидеть проявление заботы о постороннем человеке — скорее исключение из правил.

Могу также отметить странный в восприятии китайцев режим работы магазинов, салонов и кафе — с обеденным перерывом. Сейчас, конечно, ситуация иная, а раньше такое явление в России наблюдалось повсеместно. В Китае же «обеденных часов» никогда не было.

Но Красноярск с течением времени сильно изменился. Возьмём хотя бы Взлётку. В 1990-е она была пустынной, а сейчас это огромный район с развитой инфраструктурой. Краевая столица благоустраивается, преобразуется.

Даниэль: Для меня как жителя Барселоны Красноярск — нетипичный город. Барселона — город-спектакль, превращённый в город для туристов. Красиво снаружи и неизвестно, что скрыто внутри. А в Крас-

ноярске всё по-настоящему, в том числе зима. Да, холодно, но при этом очень красиво!

Мне нравится, что на улицах зимой лежит снег, который на моей родине можно встретить только высоко в горах. Здорово, что тут намного доступнее зимние виды спорта. А ещё зимой меня поразило свет: солнце стоит низко над горизонтом, и это создаёт особые картины. Я такого больше не видел нигде, хотя, наверное, в других местах Сибири так же.

Экзотикой для меня был и красноярский балет. Вообще театры, балет, опера значительно отличаются от Каталонии. В Барселоне это удовольствие не для всех, билеты стоят очень-очень дорого. В Красноярске всё намного доступнее, и уровень артистов при этом высокий.

Вообще, мне нравится Красноярск. Он для меня как коробка сюрпризов. Множество интересных де-

Мария на набережной

талей можно увидеть, просто гуляя по улицам. Например, я обращаю внимание на символы, которые остались от советской эпохи, скажем, серп и молот на здании почты на проспекте Мира. Когда я приехал, видел недостроенный планетарий, а также теперь снесённый огромный комбайновый завод. Слышал, что комбайны из Красноярск поставляли даже на Кубу! Следы, приметы истории, которые встречаются в городе, — это интересно.

Чего не хватает

Мария: Мне нравится Красноярск. Это красивый, зелёный, спокойный город. Однако, на мой взгляд, для иностранных туристов он недостаточно приспособлен. Может быть, потому, что долго был закрытым.

Что в моём понимании город, открытый для гостей из других стран? Это высокотехнологичные услуги, разнообразные, разработанные специально для удобства приезжающих сервисы. Их в столице края, к сожалению, не хватает. Маловато хороших гостиниц, а стоимость тех, что есть, высока. Недостаточно профессиональных гидов-переводчиков.

Однажды к нам приехала делегация из Китая, с удовольствием мы показывали гостям красноярскую природу. Однако рассказать подробности о местной флоре и фауне было попросту некогда. Иностранцев привезли на берег Енисея, они поинтересовались глубиной реки, но ответить на вопрос никто не смог. Тогда мне самой пришлось ненадолго стать экскурсоводом.

У города большой туристский потенциал! Красивейший, могучий Енисей, Столбы — лишь малая часть того, что может произвести неизгладимое впечатление. Однако, повторюсь, без соответствующего сервиса туристы сюда массово вряд ли поедут. К сожалению, китайцы мало знают о Красноярске. Городу не хватает рекламы на международном уровне.

Даниэль: Зимой мне не хватает здесь витаминов, овощей. А также, наверное, общения. Жители Средиземноморья много общаются на улице весь год. В Красноярске это возможно только летом.

Что вообще знает каталонец о Красноярске? Ноль, ничего. Что он знает о Сибири? Почти ноль. Миф такой: здесь холодно круглый год. Конечно, это неправда, по-настоящему холодная только зима.

Мне кажется, европейцы могли бы больше узнать о Красноярске, если бы здесь был создан музей об уникальном научном эксперименте «БИОС-3». Когда я учился в Каталонии, преподаватели говорили нам, как мало человек знает о замкнутых экосистемах, и рассказывали о «БИОСЕ» — попытке создания искусственной экосистемы. Проект был запущен во времена холодной войны. Нам говорили, что эксперимент проводится одновременно и в Америке, и «где-то в подвалах Сибири», а позже я к своему удивлению узнал, что именно в Красноярске. При этом работа по «БИОСУ» местных учёных была намного успешнее, чем то, что получилось у американцев. Мне кажется, Красноярск должен гордиться этим проектом! И иностранцам он тоже был бы интересен, они могли бы посещать этот музей во время путешествий по Транссибу. Но почему-то такой достопримечательности в городе нет.

Почему Красноярск

Мария: Эта тема для меня особая. Моя мама родилась в Советском

Союзе, в Московской области. Вся её семья (родители, сёстры) жила в СССР. Позднее бабушка с дедушкой (они родом из Китая) и моей мамой вернулись в КНР. Дело в том, что у нас в стране есть поверье: как листок, пожелтев, должен упасть на корни породившего его дерева, так и человек должен вернуться на Родину.

Сама я родилась в Харбине. После культурной революции, как известно, многие семейные связи были утрачены. В 1986 году моя старшая тётка, которая жила в Красноярске, через посольство Китая нашла свою сестру, мою маму, и пригласила к себе. В начале 1990-х мы всей семьёй решили поехать в Россию, в город на Енисее. Я была в то время студенткой и думала, что еду лишь на каникулы, но осталась здесь навсегда.

Как мы пережили лихие 90-е? Честно говоря, я их тяжесть не ощутила. Мы поселились у тётки в частном доме на Бугаче. Был свой огород, выращивали овощи. Никакой нужды не ощущали. У меня остались самые тёплые воспоминания о том времени. Может, потому, что это была пора беззаботной юности.

Даниэль: Я приехал в Красноярск по программе обмена между российскими и европейскими университетами. Окончив аспирантуру, думал, где заниматься наукой, и выбрал самую дальнюю точку на карте, хотя сначала планировал работать в Африке. О Красноярске я раньше никогда не слышал. Хочу отметить, что условия для обучения в аспирантуре в Европе лучше, чем в России, но, напротив, когда начинаешь после её окончания заниматься исследованиями, в России возможностей больше. Я думаю, что Россия, Красноярск — интересное место, чтобы развиваться в науке.

В первый год, когда я попал сюда, в совершенно незнакомое место, я буквально влюбился в Красноярск. Могу даже назвать это страстью. Год был замечательный. Потом я решил остаться и работал, совершая для себя новые открытия.

Красноярск очень гостеприимный. Такое ощущение возникло с самого начала и сохранилось до сих пор. Кстати, на Западе есть ещё такой миф о русских: русский человек не показывает своих эмоций. Это просто неправда. Правда заключается в том, что у людей разных культур разный язык тела: мимика, улыбка, взгляд. Это иногда приводит к непониманию. Например, я думал, что одна из моих красноярских коллег меня ненавидит. А оказалось наоборот!

Русский язык

Мария: Я и моя сестра, по настоянию мамы, учили русский язык с детства. Вокруг было много русскоговорящих знакомых, поэтому получалось не только теорию совершенно нового для нас лингвистического направления изучать, но и практиковаться. Высшее образование я тоже получала по специальности, связанной с русским языком. Ну, а многие годы жизни в Красноярске позволили мне научиться говорить на русском относительно свободно.

Кстати, моя дочь, ей 27 лет, знает три языка: русский, китайский, который она изучала непосредственно в Китае, и английский, его учила в Канаде, во время получения высшего образования. Сейчас она тоже живёт в Красноярске.

Даниэль: Я начал изучать русский в Каталонии за две недели до того, как приехал в Красноярск. Затем учился языку в СФУ, в Институте филологии и языковой коммуникации, в течение года. Это очень помогло

Даниэль
на Столбах

мне, ведь первый год был достаточно сложным. Продолжаю учить русский и сейчас. Общение важно, курсы — это одно, а живая беседа — совсем другое.

Что посмотреть

Мария: Иностранных гостей я бы первым делом повела к часовне на Караульной горе, а также на Коммунальный мост. Потому что и то и другое отобрано на 10-рублёвой купюре. Вы не представляете, как была впечатлена международная делегация, участвовавшая в одной из наших выставок, когда мы подали им в качестве сувениров вышеупомянутые банкноты!

Кроме того, я показала бы гостям ГЭС. Сейчас в Китае много масштабных станций, но в 1990-е именно Красноярская ГЭС была первой в мире. Ну и, конечно, Столбы! Это красота, которую трудно описать словами.

Сама я люблю отдыхать на Красноярском море или на Енисее. А ещё — в каком-нибудь тихом, живописном месте на территории богатого природным разнообразием края.

Даниэль: Обязательно повёл бы своих знакомых на Столбы. Кстати, ещё до своего приезда в Красноярск я смотрел фильм французского режиссёра о культуре столбистов. Интересное явление.

Люблю Красивый берег в Академгородке. Конечно, в Красноярске для меня главное — это Енисей и то, как он «сочетается» с городом. Красноярск — столица Енисея! Это необыкновенно.

Кроме того, я бы показал гостям место на острове Отдыха, где купаются «моржи». Такого в Каталонии не встретишь. Сам я как-то попробовал окунуться на Крещение, но боль-

ше одного погружения не выдержал. Тело не хотело, это не для меня.

Люблю гулять по Татышеву, Гремячей гриве. В Красноярске много прекрасных мест.

Остаться или вернуться?

Мария: Раньше, признаюсь, я хотела вернуться в Китай. Но когда начала работать в Красноярске, многое в моём отношении к жизни и к тому месту, где я её выстраиваю, изменилось. Сегодня вопрос «уехать — не уехать» вообще не стоит. Как и дилемма из разряда «хочу — не хочу». В настоящее время для меня гораздо важнее понятие «надо!». Я чувствую ответственность за своё дело, за сотрудников возглавляемой мной организации, за выполнение разного рода обязательств.

Ни о чём не жалею. Место жительства может меняться или оставаться прежним, главное — что из себя представляет сам человек. Готов ли он работать над собой, расти, совершенствовать свою личность? Стремится ли приносить пользу обществу?

Хочу выразить благодарность и России, и Красноярию. На этой земле я многое видела, многое пережила, многое обрела. И впереди ещё немало всего. Расставаться с Россией не планирую. Более того, уезжая даже на непродолжительное время, я скачаю по Красноярску и думаю: «Скорее бы уже домой...».

Даниэль: Я планирую уехать в Испанию. Обстоятельства таковы, что вернуться нужно: болеет отец. Кроме того, в Барселоне у меня появилась девушка. Меняется и общая ситуация. Словом, осознаю, что надо возвращаться. Но... В душе хочу остаться.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Студенты Института гастрономии в этом году потчевали гостей Красноярского экономического форума изысканными закусками

Эмоциональный маркетинг, или Почему Красноярск стал гастрономической меккой

Ещё недавно в Новороссийск люди ехали исключительно ради моря, а нынче — в том числе попробовать винных улиток. В столице Татарстана туристы будут искать не только казанский кремль, но и блюда из конины, в Краснодаре — отечественный хамон, а в Крыму — барабульку. Бум еды, завоевав телевизор и интернет, мощно влияет и на индустрию туризма. О том, насколько привлекательным тот или иной город становится благодаря его кафе и ресторанам, мы говорим с директором Института гастрономии СФУ, совладельцем гастрономической экосистемы Bellini Алексеем ГОРЕНСКИМ.

— Когда-то в каждом городе были свои «злачные» места, овеянные легендами, типа «Сайгона» в Питере или «Яра» в Москве. Для вас есть такой по-настоящему легендарный ресторан в мире, в Красноярске?

— В Красноярске легендарных заведений не знаю, у нас до недавнего времени было немного кафе и ресторанов. В мире — это однозначно ресторан Нота в Копенгагене, который сейчас является первым в мировом рейтинге.

— Вы там были?

— Был мой компаньон. Ресторан легендарный, потому что его создатель Рене Редзепи придумал новую скандинавскую кухню. Вообще, он задал высоченную планку для всех рестораторов планеты. В Рене мало кто верил, он был мигрант, 30 лет, и вот он сказал: на море находимся, давайте создадим кухню. И стал лучшим шефом на планете, все смотрели на него.

И, конечно, иконой индустрии является Поль Бокюз, человек, который изменил отношение к поварскому искусству, к профессии повара. Он был личным поваром президента Франции и фактически вывел шефов из их коморок. Показал, как нужно общаться, как встречать людей. Это гурู гостеприимства, его ресторан 20 лет носил три мишленовские звезды.

— Когда вы говорили о скандинавской кухне, было впечатление, что вам хочется совершить такой же трюк на российской, на сибирской земле. Это возможно?

— Российская земля ещё более плодородна и богата, чем Скандинавия, потому что у нас много национальностей, больше 150. И у каждой национальности есть свои гастрономические особенности. Это не то что приезжаешь в Италию и имеешь дело только с итальянской кухней. Она, конечно, номер один в мире, её все знают и любят, но она плюс-минус везде одинакова.

А в России 100 километров отъезжаешь в ту или иную сторону и находишь совершенно другую кухню. Перемещаясь по стране, можно увидеть культуры сотен разных народов через гастрономию.

— Но не везде возникает легендарная кухня. А вообще — нужны современным ресторанам «легенды»?

— Это высший пилотаж бизнеса. Когда ты создаешь индивидуальные конкурентные преиму-

щества, понимаешь потребности рынка, даёшь то, что нужно людям, и проектируешь исходя из задуманного. Ты проектируешь эмоции, которые люди будут получать в ресторане. Когда гостю всё комфортно, вкусно, его хорошо встречают, и он уходит счастливым. Это и есть наша работа, высокий профессионализм.

Фактически сторителлинг — это легенда создания каждого блюда. Что в него входит, насколько в него вложили душу повара, как на него реагируют гости. Придумывают шефы, а задача официанта — донести легенду до гостя, чтобы он захотел это блюдо, захотел узнать, какие вкусы может ощутить человек, попробовав его.

— Сейчас многие города России позиционируют себя как гастрономические столицы, конкуренция высока. Красноярск на этом фоне как себя чувствует?

— У Красноярска очень высокий уровень кухни. По количеству заведений на жителя — мы точно в лидерах. И третье — ни в одном городе России нет такого учебного заведения, как у нас. Это даёт нам определённую фору.

— Вот про это и хотелось спросить. Открыв Институт гастрономии, мы сделали ход конём и всех превзошли? А чем это хорошо для индустрии, какие преимущества даёт?

— Талантливые шефы есть в разных городах. Но им часто становится тесно, нужны новые вкусы, новые эмоции — и люди перемещаются. Мы хотели создать центр притяжения, центр гастрономических изменений, центр креатива. Без молодёжи сделать это невозможно. Мы придумали этот проект именно для того, чтобы креативная молодёжь со всей страны приезжала сюда, а мы создавали условия для гастрономического творчества. Даём ребятам базу, технологии, опыт. А когда у них увеличивается насмотренность, они могут сформулировать то, чего сами хотят. Так что институт — то место, где студенты могут реализовывать свои таланты.

— Другие города тоже могут открыть такие институты.

— Мы работаем двадцать лет, все эти годы говорят про необходимость гастрономического образования, но мало кто это делает. Конечно, открыть могут. И в принципе, если это будет происходить, если начнут появляться учебные заведения, где будут влюблять молодёжь в наш бизнес, в гостеприимство — мы только «за». Потому что чем больше рынок, чем больше в нём молодёжи, тем больше возможностей для развития. Сейчас те рестораны, которые закрываются, делают это только из-за своего непрофессионализма. Чем выше профессионализм в индустрии, тем успешнее твой бизнес.

— Институт гастрономии СФУ — это гарантия, что Красноярск не догонят?

— Форса у нас есть. Но «догонят — не догонят» зависит от разных вещей. От команды, которая будет этим заниматься, от объёмов инвестиций, от уровня поддержки. Думаю, рано или поздно конкуренты появятся.

— Институт гастрономии открыт в 2018 году, входящая в него Высшая школа ресторанного менеджмента создана ещё раньше. Всё ли получилось, как вы задумывали?

— Мы сначала хотели создать кафедру. Потом поняли, что просто ресторанный менеджмент — этого мало. Захотели кулинарную составляющую и поняли, что нужны шефы. Поняли и то, что одним нам это не потянуть. Так вышли на наших французских коллег, Institut Paul Bocuse. Заключение соглашения и открыли фактически филиал этого института в Красноярске, на базе СФУ. А в 2021 году открыли направление «Эмоциональный маркетинг в индустрии гостеприимства», чтобы обучать маркетологов.

То, что мы имеем такого партнёра как Institut Paul Bocuse, у которого больше 30 лет образовательного развития, — это крутая история. И

СПРАВКА: сейчас в гастрономическую экосистему Bellini входит сетевой проект «Перцы», более 20 ресторанов, в том числе «Ноте», «Свинья и бисер», «Чешуя», «Хозяин тайги».

— Не так много времени прошло с открытия института, а ваши студенты уже участвуют в конкурсах, готовят для значимых мероприятий, типа КЭФ, открывают свои стартапы. Вы сами, кстати, пробовали то, что готовят студенты?

— Студенты не устают нас приятно удивлять. Недавно прошёл гастрономический ужин, который они организовали сами от А до Я — разработка концепции, подготовка, презентация, продажа билетов. Высочайший уровень. Результаты студентов точно превосходят наши ожидания.

— То есть не столько качество конкретных блюд, сколько мероприятие в целом впечатляет?

— Ресторан не оценивается отдельными блюдами. Здесь сочетание: кухня, сервис, атмосфера, комфорт, уют, даже запахи — всё влияет на впечатления гостей. Ко всему этому студенты подготовились. Это была их курсовая работа, а главная задача — без нашей помощи продать все билеты на ужин, получить прибыль.

— Окупились?

— Они сейчас готовят отчёт, но судя по тому, что я видел — да, им удалось заработать.

— Полгода назад Институт гастрономии стал одним из основных участников стратегического проекта СФУ «Приоритет 2030». Вы намерены создать в крае гастропарк. Что это значит?

— Цель нашего стратегического проекта — изменение культуры потребления. Пока она в нашей стране низкая. Культура потребления формируется со школьной скамьи: какие продукты

дентов со своими стартапами будет выпускаться, открывать своё дело, тем шире и эффективнее будет инфраструктура — на это тоже нацелен гастропарк.

Дальше — часть научных исследований будет направлена на работу с правильным питанием, с экологическими продуктами, с современным фермерством. Мы не можем не заниматься фермерством, если нам нужно качественное питание. Поэтому создана группа из учёных разных направлений, которые уже проектируют современное фермерство, создают новые продукты.

Мы ездим в гастрономические экспедиции — в Тыву, по Подкаменной Тунгуске, собираем рецепты, изучаем продуктовую базу. После делаем отчётные ужины. Например, готовили блюда кетов по новым технологиям и с новым видением — это развивает не только кухню, но и культуру народов.

Научная повестка, надеюсь, выльется в красноярский гастрономический форум, который будет проходить сразу после КЭФ. Сюда будут приезжать люди, которые создают еду будущего, и вместе мы будем проектировать изменения в нашей индустрии.

— У «Приоритета 2030» определён срок реализации. Что фактически будет сделано за 8 лет?

— Во-первых, большое количество собственных проектов студентов. Во-вторых, технология сити-ферм. Это вертикальное выращивание овощей в пределах городов с минимальной логистикой, круглогодично. В-третьих, изучение еды будущего; так как количество людей на Земле увеличивается, надо искать новые ресурсы.

— Если вернуться к теме гастротуризма, насколько это доступно для населения нашей страны? Среднестатистический человек вряд ли поедет куда-то, просто чтобы покушать устриц. Или всё-таки может быть бюджетный вариант гастротуризма?

— Конечно, может. Гастро — это же не обязательно молекулярная еда. Это правильно и вкусно приготовленное. Еда может быть доступной. Всё зависит от стоимости продукта. Если вы выбираете краба или мраморную говядину, это дорого. А вот у нас недавно студенты приготовили картофель — ничего вкуснее я не ел.

— В чём был секрет?

— Это был мусс из картофеля, внутри йогурт с зеленью, соус сделали классный. В ресторане «Истории» скоро появится это блюдо, можете попробовать.

— Ещё вопрос о стоимости и доступности еды. Почему блюда из брендовых продуктов, которые позиционируют как чисто сибирские (какие-нибудь грибочки с брусничкой и кедровыми орешками), оказываются самыми дорогими? Казалось бы, местное должно быть дешевле.

— Локальный продукт может быть на разный кошелек. Например, супы. Мы сейчас готовим обновление меню в «Историях», там блюда доступны для людей, и поесть у нас могут себе позволить и студенты, и преподаватели университета.

Конечно, среди продуктовых «фишек» Красноярья есть и дорогие продукты. Например, наша северная рыба. По качеству это космос. И мы сейчас делаем проект, чтобы организовать логистику таких локальных продуктов. Надеемся, они станут доступнее.

— Мы сегодня говорим о Красноярске. Скажите, что в нашем городе классное?

— У нас классная природа. Люди — трудолюбивые. Красивый город. Я не знаю, других городов, где бы чувствовал себя так комфортно. Потому что я вижу потенциал города. Это сочетание — природы, серьёзной промышленности, культурных и спортивных проектов — позволяет Красноярску ставить себе самые амбициозные цели.

— А если всё-таки: «Эх, бросить бы всё и уехать», то — куда?..

— Я бы не уехал. Я об этом думал — нет такого места. Моя формула — в известной поговорке: «Только глупец ищет счастья на стороне, а умный строит его рядом с собой». Я думаю, что я умный.

— Вы счастливы?

— Да. Для счастья что нужно? Любовь и самовыражение. Любовь у меня есть, есть пятеро детей. Есть дело, возможность создавать то, что я хочу, со своим видением.

— Ваша счастливая семья питается в ресторанах?

— Конечно. Но и дома мы часто готовим. Я люблю куриные котлеты моей жены. Сам мясо, рыбу запекаю — на гриле, на мангале, в духовке. Мы любим простые блюда, изысканной кухни в моей жизни и без того хватает.

мы хотим её продолжать. Хотим открывать другие направления, связанные с индустрией гостеприимства.

— Какие именно?

— Будет и гостиничный бизнес, и туризм, и другие направления, связанные с развитием региона. Наши амбиции растут.

— А как вы лично пришли в этот бизнес?

— Я окончил Аэрокосмическую академию по специальности «Экономика управления на производстве». Ещё студентом начал строить свой бизнес по производству полиэтиленовой плёнки для упаковки. Когда оканчивал — уже был собственником предприятия. Но там бизнес другой, B2B, ты постоянно с закупщиками, с магазинами, с товароведом. Мне хотелось другого, красивой мечты. Когда видишь обратную связь от гостей, благодарность. Я пробовал разный бизнес, был и туристический, но остановился на ресторанном. Со своим компаньоном Анатолием Ващенко (он тогда был в развлекательном бизнесе) мы решили открыть своё первое заведение, в 2004 году. Это была кофейня «Крем», она и сейчас любима горожанами.

люди едят, как они это делают, сколько времени на это тратят и т.д.

Мы хотим поднять уровень потребления, что, в свою очередь, улучшит здоровье нации, поднимет культуру в целом. Сейчас в России не более 8 процентов людей ходят в кафе и рестораны, а в Европе — 70 процентов. Почему? Ведь мы — гастрономическая нация. До революции мы в гастрономии делили первое место с Францией. А по уровню сельскохозяйственных рынков Россия была номер один в мире. Институт гастрономии создан, чтобы это возродить. Конечно, начинать надо с детства.

— Не очень понимаю, как вы будете работать с детским возрастом. Будете готовить обеды для какой-то школы и показывать: это должно быть так?

— Нет, к решению этого вопроса нужен комплексный подход. В том числе изменение законодательства. Есть определённая стоимость школьных обедов, процедура закупок, которую мы изменить не в силах. Тут надо действовать системно, используя опыт других стран.

Следующая задача — развитие гастрономического предпринимательства. Чем больше сту-

Текст _
Галина ДМИТРИЕВА

Сибирь

У живших до 1917 года в пределах Российской империи финнов была одна интересная поговорка. Когда уравновешенные скандинавы не считали целесообразным тратить силы и время на борьбу с нарушающими порядок соотечественниками, они коротко говорили: «Сибирь научит». Тогда это был намёк на суровое наказание, оптимистично смягчённый позитивом. Сегодня у нас есть реальный шанс в этом утверждении оставить один только позитив: Сибирь в наши кризисные времена вполне может оказаться примером и устойчивого развития, и привлекательности для жизни. При одном базовом условии: если будет привлекательной для собственных жителей.

Конкурировать с нами другим сибирским городам непросто. Вряд ли у кого из них есть такой, как у нас, набор характеристик, определяющих в целом эту самую привлекательность.

Взять тот же Новосибирск, официальную столицу Сибирского федерального округа. Город большой, и многолюдный, и экономически процветает. Наука, образование, культура — всё на месте. Но Новосибирск молод, а потому слабоват в плане истории. Со всеми вытекающими последствиями, в том числе для внешнего облика. Да, тамошний Академгородок впечатляет. По улице Ленина, новосибирскому Арбату, прогуляться, конечно, приятно. Красный проспект тоже неплох. Но наш проспект Мира... Не говоря уже о природном ландшафте: в Новосибирске он довольно унылый, это сами новосибирцы признают.

Допустим, ландшафт хорош в Новокузнецке. Но Томь, какой бы красавицей ни была, всё же не Енисей. История? Да, этот город старше нашего на десять лет. Но с памятниками архитектуры там совсем плохо. Уж больно набезобразничали в Новокузнецке во времена Гражданской войны, пустив в расход не только владельцев особняков, но и сами особняки. Правда, сохранилась крепость, построенная на высоком левом берегу Томи при императоре Павле на случай войны с Китаем. Правый берег реки, где в тридцатые годы заложили воспетый Маяковским город-сад, тоже впечатляет. Но это и всё. Город, по нашим меркам, совсем не большой. И в плане экономики, науки, образования и культуры, в отличие от Новосибирска, нам не конкурент.

Можно поговорить и о других замечательных сибирских городах, чтобы убедиться: каждый из них хоть в чём-то да уступает Красноярску. И это не в укор им. Скорее, в укор нам. Ведь «кому много дано, с того много и спросится». Готовы ли мы держать ответ?

Уроки учтённые и не очень

Итак, Красноярск благодаря природе и четырёхсотлетней истории имеет несомненные преимущества, а потому во многом более привлекателен для туристов. Правда, привлекательность любого города для его гостей совсем не обязательно срабатывает на местных. Конечно, такие уникальные достоинства Красноярска, как наличие прямо в черте города природных зон для отдыха, красноярцы очень ценят. Ценят и то, что зоны эти рассчитаны на любой кошелек — от финансово-ёмкого Бобрового лога до практически бесплатных Татышева, Столбов и Гремячей гривы. Но местным важно и другое: комфорт каждодневно, а не гостиничного проживания, возможность самореализации, безопасность. И ещё много чего. Когда с чем-то из этого набора есть проблемы, коренное население даже при уникальных преимуществах и необъятных пространствах начинает

НАУЧИТ

посматривать в сторону пространств, где и без него народа хватает. Всё же сибирскому городу жизненно важно быть привлекательным в первую очередь для своих жителей.

Что для этого делается и что ещё надо сделать? На первом месте, конечно, вопрос экологии. Глупо отрицать остроту этой проблемы, но нельзя не отметить, что ситуация как минимум стабилизировалась. А вот улучшение происходит медленно. Оно и не может быть быстрым. Модернизация ТЭЦ, переход на другое топливо, реновация промзон — всё это в один день не сделать. Кардинальные перемены в виде газификации и закрытия всех вредных предприятий в черте города произойдут не скоро. Но есть уверенность, что курс на решение экологических проблем взят навсегда.

Другая наша проблема — разрушение уникальной ландшафтной среды. С ландшафтом мы зачастую обращаемся просто варварски. Люди, лет десять назад уехавшие из Красноярска, возвращаясь и видя изменения природной рамки, в которую вписан город, говорят об этом с болью. Один новый микрорайон закрыл вид на Такмак. Под другим микрорайоном просаживается высокий берег. Третий меняет русло реки. Такими темпами и часовню Параскевы мы через десяток лет не увидим. В утешение можно вспомнить слова екатеринбургского архитектора, издателя журнала «Татлин» Эдуарда КУБЕНСКОГО, который как-то сказал: «Не переживайте. Угробить такой мощный ландшафт у вас не получится. Просто денег не хватит. Таких денег даже у столицы нет». Но не этим мы должны успокаиваться, конечно, а грамотными решениями. Часть из них, например, была представлена в презентациях развития города на КЭФ-2022.

Благоустройство как игра без правил

Когда говорят о комфорте городской среды, то, как правило, ограничиваются темой благоустройства. Кстати, совершенно разные вещи: благоустроить территорию, застроенную по безупречному генеральному плану, или попытаться обеспечить комфорт в застройке, подобной той, что громоздится в районе мясокомбината. А ведь ландшафт там позволял возвести прекрасный современный микрорайон. Но, увы, не случилось.

Так вот, комфортная жизнь в городе зависит не только от количества формально благоустроенных территорий. Она во многом (если не в первую очередь) зависит от качества принимаемых городской властью решений, закреплённых в правовых нормах, где кроме прочего заложены гарантии их безусловного исполнения.

Как бы ни был хорош проект благоустройства, как бы хорошо он ни был реализован, но если вас на распрекрасной набережной покусает бродячая собака или собьёт с ног любитель покатайся на электросамокате, то вряд ли вы найдёте комфортным это так называемое благоустроенное городское пространство. Почему так называемое? Да потому, что в правильно организованном пространстве при наличии правильных норм пешеходы и транспортные средства сталкиваться не могут. Да и одинокие собачки, а тем более стаи, по городским улицам не бегают. Они там исключительно на поводке чинно выгуливают своих дисциплинированных, правильно воспитанных хозяев, вооружённых совками и пластиковыми пакетами.

То же можно сказать и о дворовом пространстве, которое сегодня повсеместно облагораживается. Красивый, ухоженный двор с новенькими детскими площадками, конечно, радует глаз. Но когда в этот двор лихо въезжают с музыкальным сопровождением и будят наконец-то заснувшего малыша, его мамочка вряд ли подумает: «Зато у нас во дворе и качели, и карусели...». Даже простая скамейка под окнами таит в себе опасность для жильцов. Особенно в летнюю ночь, когда у молодых людей возрастает и без того высокая потребность в общении.

Но есть ситуации посерьёзней. Бегущий к своему подъезду с чудесной детской площадки малыш может не разглядеть за припаркованными машинами въезжающий во двор автомобиль. И водитель может не увидеть ребёнка. Спасёт ли

в этой ситуации качество выполненного благоустройства? И можно ли назвать его в этом случае качественным? Понятно, что сейчас не так-то просто все эти вещи исправить в физическом плане. А в правовом?

Приглашение к диалогу

Привлекательным для жизни город становится и тогда, когда человек бывает услышан, а сообщество способно прийти если не к единодушию, то к компромиссу. Разумеется, такие примеры есть. Как есть и обратные, когда по поводу, казалось бы, очевидного общего блага разворачивается настоящее противостояние.

Здесь вспоминается нашумевшая история благоустройства берега в Академгородке. К лету этого года работы там должны были завершиться. Но они и не начинались. И всё потому, что планы одной части местного сообщества не получили поддержки у другой. Более того, случился такой раскол, что власть, готовая финансово поддержать идею, отступила.

Вот как об этом рассказывает автор идеи благоустройства, житель Академгородка Александр НЕЙМАН:

— На самом деле всё началось ещё году в десятом. Местный житель Дмитрий СЕНЧЕНКО и ещё несколько академических ребят решили навести порядок на берегу в Нижнем Академгородке. Проект назвали Красивый берег. Под этим названием получили деньги по тендеру. Немного, но на цемент, цепи и доски хватило. А всю работу волонтеры сделали. Вот тогда и появились первые скамейки и мусорки.

И уже тогда нашлись противники. Почему-то возникло убеждение, что скромное благоустройство увеличило поток желающих посетить берег. Хотя посещаемость и без скамеек из года в год росла. И шумные компании с музыкой и фейерверками по ночам, и «стада» припаркованных автомобилей — всё это было. Уже не говорю о «туалетах под открытым небом». Мусор вообще не успевали выгрести. Ведь неслучайно решили мусорки установить: всё просто завалено было. Так что скамейки здесь ни при чём. Народ и со скамейками, и без скамеек приходил на берег с пледами позагорать. Он и дальше будет приходить. Кстати, благодаря скамейкам местные бабушки получили возможность посидеть, отдохнуть, а значит, подольше побыть на берегу.

Конечно, со временем всё это благоустройство без должного ухода обветшало. Пришло понимание, что территорию надо как-то обслуживать, нужен хозяин. А кто возьмётся? У Красноярского научного центра таких возможностей нет. Потому, когда объявили акцию «Есть идея — расскажи о ней лично губернатору», появился шанс этот вопрос решить. Вот я взял и написал, что надо обратить внимание на берег в Нижнем Академгородке. Написал, что это лучшее место в городе по визуальным характеристикам. И был удивлён, когда мне позвонили.

Просто не верилось. В кои-то веки всё складывалось так, как и должно быть: местный житель без личных финансовых интересов выступил с инициативой, а власть отреагировала. Создала концепт, предложила жителям его обсудить. Замечательно! Такого же никогда не было.

Меня поддержали люди молодые, до сорока лет. А людей постарше просто дезинформировали. Разошлись слухи, что всё хотят в асфальт закатать и ларьки поставить. Расклеивались листовки с таким бредом, что было страшно читать. Утверждали, что я всё это затеял, чтобы потом на берегу пиво продавать. Многие поверили. Если честно, я такой грязи, что на меня вылили, не ожидал. Даже представить не мог, что возможна такая реакция. Местное сообщество встало на дыбы. В результате власть решила, что есть более благодарные места, где можно потратить деньги на благоустройство.

Сейчас, анализируя этот опыт, понимаю, что начинать надо было не с благоустройства, а с наведения порядка. Люди бы это поддержали. А мы начали с проекта. Точнее, с его концепции. Но, к сожалению, у нашего старшего поколения жизненный опыт таков, что предложения, исходящие от власти, вызывают недоверие. Хотя пытались объяснить, что поток желающих посетить

берег в любом случае будет расти, и единственный способ снизить антропогенную нагрузку на природу, да и оградить спокойное существование местных жителей — это грамотное благоустройство. Всю инфраструктуру можно было вынести на территорию бывшей конечной остановки, подальше от жилых домов. И нагрузку можно было распределить по длине всего берега, начиная от новой застройки. С шумом (и не только по ночам) тоже можно было всё уладить. Нет же его в Гремячей гриве. Кстати, там и шашлыки среди леса никому не приходит в голову жарить. Потому что само пространство диктует, как человеку себя вести. А это значит, что пространство организовано правильно.

К сожалению, в нашем случае этого не случилось. Кстати, никто не запрещал людям отвергать какие-то предложенные в концепции моменты. Могли и свою выдвинуть. Но нет, жители требовали только одного — оставить всё так, как есть. Так что до конструктивного обсуждения дело не дошло.

Лирическое отступление

Более ста лет назад норвежец Фритьоф НАН-СЕН, пройдя Северным морским путём, поднялся по Енисею от Карского моря до Красноярска. И написал толстенную книгу с лестным для сибиряков названием «В страну будущего».

В ней исследователь говорит о многом: географии, этнографии, геологии. Но главная мысль сформулирована так: «Здесь лежат бесконечные пространства, таящие блестящие возможности, и только ждут приложения творческих сил человека». Давая в этом своём монументальном труде конкретные примеры приложения творческих сил сибиряков, норвежский гость утверждает, что «русский народ выполняет великую задачу, заселяя и культивируя эти огромные земельные пространства на пользу человечества».

В контексте этих слов Нансена и оптимистичной фразы «Сибирь научит» случай с Александром Нейманом заставляет задуматься. Похоже, нам ещё самим учиться и учиться, чтобы попасть в ту страну, которую разглядел высоко ценимый мировым сообществом политик и общественный деятель.

Об авторе. Галина Дмитриева много лет пишет для различных изданий статьи о градостроительстве. Издавала красноярский журнал об архитектуре и урбанистике "Красивый берег"

Текст _ Анастасия АНДРОНОВА

Пешком с рюкзаком и без

Я хорошо помню, как впервые пошла на Столбы на первом курсе университета. Кто-то из однокурсников уже бывал в заповеднике, кто-то, как я, — приезжий, шёл впервые. Сначала физически прочувствовали 14 км дороги, поняли, что такое «Пыхтун». А потом восхищение, которое сложно описать словами. Это же чудо, настоящее чудо природы, так рядом и так доступно.

В студенческие годы мы много гуляли по городу, ходили на Столбы часто. Потом в моей жизни появились и другие походы — Ергаки, Кутурчинское Белогорье, Борус, тропа предков в Хакасии. Со временем пришло понимание, что расстояния перестали иметь значение: если хочется почувствовать, что за удивительный ветер сносит с ног и хозяйничает на Аргыджеке, значит, нужно собираться в путь. Если ребёнка оставить не с кем, то нужно подобрать маршрут по силам и идти вместе. Если раньше никогда не слышала про Урманскую петлю, а на сайте Агентства по туризму появилась об этом месте статья — остаётся только найти хорошую компанию. А если такой компании нет — её можно найти благодаря организаторам в этой сфере, которых в Красноярске больше 30!

Солнечный круг

Многих я знаю лично, а с одним из любителей походов, моим другом и коллегой **Юрием КАЛАШНИКОВЫМ** три месяца назад мы создали телеграм-канал «Все походы Красноярска» — агрегатор, который объединяет всех организаторов, работающих в нашем городе и его окрестностях. Поговорила с ним и другими, чтобы составить мозаику привлекательности окрестностей Красноярска.

— **Юра, давай ты расскажешь, как возникла наша идея создания канала-агрегатора походов вокруг Красноярска.**

— Идея сложилась из нескольких факторов. Первое — наше собственное желание познавать Красноярский край. Второе — благодаря Центру путешественников и Агентства по туризму в окрестностях Красноярска появилась удобная навигация, по которой можно самостоятельно ходить. Мы следили за некоторыми организаторами, иногда становились их клиентами-туристами. Такое совпадение развития инфраструктуры и собственного желания ходить натолкнуло на мысль собрать все доступные походы и выезды в одном месте. Природа не терпит пустоты, это бы наверняка сделал в ближайшее время кто-то другой, если бы не мы.

— **Как думаешь, с чем связан бум походов?**

— Не факт, что это именно бум. Мы раньше просто не отслеживали направление туризма. На Столбы, например, ходили всегда. К тому же раньше мы могли летать за границу, летать по России. Сейчас меньше этих возможностей, в том числе финансовых, а путешествовать всё равно хочется. Прогуляться по окрестностям практически ничего не стоит.

— **Какие самые популярные направления походов?**

— По статистике с приходом тёплой погоды лидируют сплавы по Енисею и Мане. Из пеших — тропы на Торгашинском хребте, Гремячей гриве, Манской и Есауловской петле. Часто осматривают стекольный завод.

— **А твои любимые маршруты?**

— Тропа ГТО в Гремячей гриве и Солнечный круг на Торгашинском хребте. Это лучшие!

Приложение в подарок

Идею сделать маркированные маршруты вокруг Красноярска привёз из Гонконга Анатолий БЕЗВЕРХИЙ, идеолог проекта «Красноярский хай-

кинг». Начал разрабатывать маршруты в одиночку, потом привлекал волонтеров, позже образовалась целая команда из сотрудников Центра путешественников. Специалист проекта **Екатерина ЯКИМЕНКО** — тоже из любителей красноярских окрестностей.

— **Вам самой удалось пройти все маршруты хайкинга?**

— Я была на всех маршрутах хайкинга, более того, я большую их часть маркировала. Сама люблю бывать в новых для себя местах. Но если выбирать конкретный маршрут рядом с городом, то это тропа «Болгаш» на Торгашинском хребте. Види открываются просто чудесные! Вокруг лес, скалы и крутой склон, спускающийся к реке Базаихе. А ещё совсем рядом с тропой находятся необыкновенные места — грот Телевизор и Торгашинский кот.

— **Какую деятельность сейчас ведёт «Хайкинг»?**

— У нашей команды огромный список дел! Ежегодно в летний сезон мы обновляем маркировку некоторых троп и уже наметили часть работ. Никогда не останавливается работа над наполнением сайта хайкинг.рф: добавляем новые объекты, маршруты, фотографии, описания и т.д. Почти готова новая версия сайта, который станет более удобным для пользователей. Ещё в этом году наш проект получил поддержку на конкурсе президентских грантов, в рамках которого, например, в конце лета появятся маркированные маршруты на Кутурчинском Белогорье.

— **А как получилось, что маркированные тропы оказались в удобном приложении?**

— О мобильном приложении мы с самого начала могли только мечтать. Оказалось, мечты сбываются, и очень быстро! В один прекрасный день получили звонок примерно такого содержания: «Вы делаете классные вещи, я хочу разработать мобильное приложение для вашего проекта». Так у нас появился новый сайт и приложение, которые нам просто подарили.

— **Что вы показываете гостям города?**

— Тут многое зависит от гостя. Кому-то больше интересны музеи и выставки, история. Кому-то важно, где гуляют местные жители, как они проводят своё свободное время. Мне больше по душе этот вариант. Обязательно сходить на Столбы

и побывать на Торгашинском хребте. Если не из походов — то неспешная прогулка по проспекту Мира со стаканчиком кофе и ужин в каком-нибудь хорошем месте (благо с выбором у нас хорошо), потом заехать на Часовню или смотровую на Николаевской сопке, посмотреть на Красноярск с высоты, устроить пикник на Татышеве, съездить в Дивногорск и так далее.

— **С такой теплотой рассказываете. Любите Красноярск?**

— Люблю. И пока не представляю свою жизнь в другом месте. Но как у всех людей, у кого страсти в крови, к месту я не привязана! С огромным удовольствием отправляюсь в любое путешествие, будь то прогулка по незнакомому городу налегке, автомобильный трип по соседнему краю или категорийный десятидневный поход в горах с тяжёлым рюкзаком.

Думать в сторону

Любит маршруты по краю и идеолог ивент-бюро **Havearest Татьяна ШУБКИНА**. Для неё проехать 700-1000 км на машине ничего не стоит. Зовёт с собой желающих отдохнуть, покататься и развеяться. Сама Татьяна подчёркивает, что она не экскурсовод, а гид, в её турах не будет множества цифр, фамилий, дат. Но будет атмосфера лёгкости. За этим и едут.

— **С чего началась деятельность твоего ивент-бюро?**

— С того, что я стала безработной и получила много свободного времени. Мы с подругами начали путешествовать, сначала по стандартным маршрутам: Хакасия,

Красноярское море. Снимали весёлые видео и выкладывали в социальные сети. Людям это нравилось, многие писали, что хотели бы отправиться с нами. И в самый разгар пандемии полетели мои первые туры. Маршруты я разрабатываю нестандартные, такие, где обычно не бывает людей. Нахожу интересные места, потом по карте смотрю, куда ещё мы могли бы заехать, где остановиться, изучить что-то интересное, поесть вкусное. Маршруты продумываются так, чтобы не скучно было ехать в одну сторону: туризм Красноярского края достаточно экстремальный в плане расстояний.

— **Какой маршрут у тебя самый популярный?**

— Один из новых маршрутов — «Руины Енисейской губернии», где мы посещаем стекольный завод в посёлке Памяти 13 борцов, водокачку в Красном заводе, руины церкви в Большом Кемчуге и Козловке, Ачинск. Я хочу, чтобы люди почувствова-

ли дух времени, то, как здесь жили 200-400 лет назад. Почему село Великокняжеское стало Козловкой, например. Что ели люди, как жили и чего достигали, несмотря на то, что не было электричества и стёкол в окнах. Как Транссиб помог краю в развитии. Мои туристы едут не за исторической справкой, а за определённым форматом: красивыми фотографиями и эстетикой в целом. Архитектура и руины — это красиво, как и все места в Сибири.

Ещё один маршрут, который, я думаю, станет популярным в этом сезоне, — Тыва. Я влюбилась в неё, оказалось, что практически ничего не знала о тех местах. Маршруты пока будут традиционные с местными сопровождающими.

— Почему люди выбирают тебя?

— Как я уже говорила, со мной едут за лёгкостью. В жизни хватает проблем, вопросов, которые ежедневно нужно решать. А тут думать ни о чём не нужно: я уже всё за них продумала, можно даже не по маршруту провести — туристы останутся довольны, потому что хотят расслабиться, похихикать, отдохнуть на камне, сделать красивую фотографию, рассказать иногда о себе. Моя целевая аудитория — это люди, которые и так много видели и знают, им надо прокатиться, проветриться.

— А как ты путешествуешь сама?

— Когда я еду одна, хочу видеть то, что никогда не видела. В Томске хотела посмотреть Таловские чаши. На Барнео поехала, чтобы посмотреть обезьян-носачей. В Тыве хотела увидеть каменных идолов Кижичи-кожээ, они отличаются от хакасских. В Хакасии была не счесть сколько раз, но недавно специально съездила посмотреть на Хуртуях тас — каменную беременную женщину. Всегда стараюсь уголок новый найти, заглянуть с другого ракурса, идти не по маршруту, а думать в сторону.

— Твой топ мест города?

— Там, где нет людей. Качинские Столбы, например. Люблю с горы посмотреть на речку, но там могут быть медведи, нужно быть внимательными. Стекольный завод мне нравится, жалко, что его разбирают. Надеюсь устроить там ночную вечеринку, как говорится, следите за анонсами. Люблю Дрокинские холмы и набережную Качи в этом районе, поля, сопки. Верхнюю Базаиху, где тоже много интересных мест: Литовское кладбище, минеральные источники. Топольские Столбы. Казалось бы, ехать пять часов, чтобы увидеть кусок скалы в лесу. Но такого куска скалы больше нигде нет, это стоит того.

Детям интересны родители

Большинство организаторов проводят и бесплатные походы, и походы коммерческие. Актуальнее всего «походы без рюкзаков» или походы выходного дня — они нужны людям не только чтобы увидеть красоту вокруг, дать себе нагрузку, но и для общения. На природе люди видят друга настоящими, часто завязывается дружба.

Также организаторы походов и любители природы часто занимаются экологическими вопросами, убирают мусор на маршруте, руководствуясь девизом «Оставить место чище, чем было до нас». Дмитрий МОТОРА, основатель турклуба «Своя тропа», называет некоторые из походов «за компанию».

— Как ты начал водить походы?

— Я всегда любил походы по уникальным местам Сибири. А около года назад Гремячая грива предложила мне брать с собой людей, тех, кто не знает маршрутов или у кого нет компании. Так и началось.

Скоро сотый поход за компанию.

— Есть любимые места?

— Нет таких. Все любимые! Я, конечно, больше люблю уйти подальше и повыше. Но туда сложнее набрать сообщников. В Красноярске я бы обратил внимание на Торгашинский хребет. Он имеет большое количество видов и ландшафтов. Видовки Гремячей гривы — самые уютные. Вообще слово «видовка» — именно красноярское.

— Какие маршруты посоветуешь для детей?

— Про детей особая история. Если взрослые идут за нагрузкой, чистым воздухом и красотой, то для детей важнее общение с родителями, возможность порезвиться, устроить пикник. Поэтому дети могут быстро потерять интерес к походу и начать жаловаться на усталость, боль и другими способами требовать к себе внимания. Совет — недолгие и несложные маршруты в пригороде. Это Столбы, Гремячая грива, Торгашинский хребет с общей длиной маршрута в пределах 10 км. Можно и немного отъехать от города — не более 50 км. Ну или всей семьёй на 2-3 дня ещё дальше!

— Ты только с Бурса, почему стоит сходить туда?

— Бурс — это самые близкие настоящие горы! Высота 2318 метров позволяет за несколько часов похода из цветущего лета переместиться в снежную пургу. Виды и красоты заслуживают отдельного рассказа, а лучше — посещения! Эта вершина является определённым показателем уровня подготовки туриста. Поход от стоянки автомобиля до вершины и обратно занимает 15-17 часов. И там нет случайных людей. Ставьте себе эту цель! И, может, не с первого раза, но вы убедитесь, что оно того стоит.

Говорит разрушенная церковь

Если выехать за пределы города не получается, а прогуляться хочется, можно выбрать необычную историческую экскурсию — аудиопрогулку «Променады по домам». В проекте Валентины ЧИГРИНОЙ о жизни Красноярска голосами узнаваемых красноярцев рассказывают...

— Как пришёл в голову именно такой формат?

— Я родилась и выросла в Красноярске, в старом красивом доме, теперь это место называется Историческим кварталом. И всегда интересовалась историями домов и города. Документов много в открытом доступе, я умею находить интересную информацию. Два года назад вышла с идеей аудиопроменады на Министерство туризма, они мне здорово помогли, поддержали. Такую идею, чтобы дома разговаривали с человеком голосами конкретных людей в озвучке известных земляков, считаю своей находкой.

— Как подбирались голоса?

— В проекте звучат голоса теле- и радиоведущих, блогеров. Каждая роль выбрана не просто так, а чтобы человек, который озвучивает, был максимально погружён в тему и вложил душу в озвучку. Например, бренд-шеф Bellini group Евгений БАРАННИКОВ озвучивает повара, смакует описание блюд. Воспоминания о снос храма, лирично-трагичные, ностальгические, читает настоятель двух сельских храмов Святой Троицы в Емельяново и Параскевы Пятницы в Барабаново отец Алексей ЯЗЕВ. И так далее. Именно стараниями и голосами людей, озвучивающих проект, он так хорошо звучал.

— Прошлый сезон прошёл успешно. Планируется ли новый маршрут в таком же формате?

— За прошлогодний сезон весна-лето-осень променады посетило более 3000 человек, редко какой музейный экскурсионный формат может похвастать такой проходимостью. Если честно, я не рассчитывала на такой успех, но людям понравилось, мне не приходилось особо заниматься рекламой — приходили по «сарафанному радио». И каждый второй просит следующую часть. Надеюсь, она появится уже в июне. Сценарий практически дописан, осталось озвучить и отдать в производство. Это также будет маршрут по историческому центру, но по другой его части.

Текст _ Александра СИТНИКОВА

Хватит насыщать центр

«Адам и Ева», «Похищение Европы», «Реки Сибири». Красноярская городская среда насыщена произведениями скульптуры. Отношение к ним неоднозначное: вокруг одних памятников складываются городские мифы, рядом с другими уютно, какие-то объекты вызывают острую критику. Мы поговорили с молодым скульптором Ильей ЦАРИНЫМ о его взгляде на городскую скульптуру, о перспективах её развития и собственном творчестве художника.

— Илья, восемь лет назад вы приехали из Читы в Красноярск, чтобы получить профессиональное художественное образование. Скажите, у вас есть любимые памятники в Красноярске?

— Есть любимые места. Потому что скульптура неразрывно связана с пространством.

Было время, когда городская скульптура в Красноярске формировалась очень интенсивно: в начале 2000-х годов, во время управления городом Петром Пимашковым. Тогда Красноярск стал столицей фонтанов, и быстро-быстро за короткий период появились знаковые вещи — «Аполлон» на Театральной площади, «Фемида» у здания краевого суда, «Реки Сибири». Кстати, этот последний фонтан мог быть совсем другим — этническим, сибирским. Сейчас это натурщицы в условной греческой одежде.

Важная проблема красноярской скульптуры — в том, что она пытается угнаться за столичной. У нас крайне мало профессиональных скульпторов, которые способны делать качественные произведения.

Другая проблема — заигрывание с актуальным искусством. Посмотрим, как будет реализован проект на Аэровокзальной площади, посвящённый героям воздушной трассы «Аляска — Сибирь», в прошлом году проводился конкурс на эту тему. Его выиграл С. Ковалевский с концептуальной вещью. Но одно дело, как проект выглядит на эскизах, другое — как он будет выглядеть в жизни. На каждом этапе конкурса звучал посыл — сделать что-то новое, необычное. Было ли это связано с тем, что традиционные проекты оказались слабыми, или это просто такой запрос в культурной прослойке, которая принимает решения, — не знаю.

Для меня красноярская скульптура — это то, что производит первое впечатление о городе: геральдический лев на железнодорожном вокзале, Аполлон на Театральной площади. Эти вещи ассоциируются с узнаванием и уникальностью городского силуэта. Как и часовня на Покровской горе, и памятник В.И. Ленину на площади Революции, который сделан грамотно, масштабно площади.

— Эти скульптуры — первое, что видит приезжий в Красноярске.

— Да. Но по-прежнему все стремятся по максимуму насытить центр. Я считаю, что хватит на проспекте Мира ставить. Много новых районов — Взлётка, Академгородок. Куча пространства, где можно ставить разные объекты, но об этом забывают. Недавний прецедент — студентка нашей мастерской выиграла конкурс на реализацию объекта «Рука милосердия», посвящённого COVID. Вещь абстрактная, условная, с витражом-сердцем. Её долго пытались пристроить, потому что хотели поставить в центре. В том числе рассматривали перекрёсток ул. Парижской Коммуны и пр. Мира: там на одном пятке и так соседствуют совсем разные работы — монумент «Дети войны», шишка. И «Руку милосердия» хотели поставить в этот сквер. В итоге будет стоять в Железнодорожном районе, но это тоже фактически центр — остановка Агропром.

Я за эстетику и за то, чтобы скульптура была сделана хорошо. И чтобы в городе не было памятника пьянице, как бы это прикольно ни казалось.

— Можете сравнить развитие городской скульптуры в Красноярске с другими городами Сибири? С Читой?

— О! Это небо и земля. Хотя я и говорю, что в Красноярске не всё благополучно, но Красноярск — город динамичный. Здесь всё относительно быстро решается, в процессе непосредственного общения. В маленьких городах скульптура скатилась на уровень самодеятельности.

Обучаясь в аспирантуре, я пишу диссертацию об отечественной скульптуре 1990-х — начала 2000-х. Выделяются три главные школы — московская, ленинградская (санкт-петербургская) и красноярская. Красноярская сформировалась потому, что здесь в своё время открылся филиал Академии художеств, появился Художественный институт усилиями Ю.П. Ишханова, Л.Н. Головницкого и других. Здесь, на родине В.И. Сурикова, появилась художественная и скульптурная школа. В остальных городах Сибири скульпторы не получали профессионального образования.

Сейчас в маленьких городах много каких-то конструкций из металлолома, в каждом появляется своя «Алёнка». Буквально позавчера в Чите начали строить мемориал, посвящённый воину Афгана. Это ужас. Потому что отформовали бронжилет, отформовали каску на бетонную основу. Короче говоря, халтура. А самое печальное, что люди будут туда цветы возлагать и думать, что это и есть скульптура.

— А как вы относитесь к скульптуре «Трансформация», установленной на территории кампуса СФУ?

— У Даши Намдакова высочайший уровень реализации проектов.

Вообще, то, что мы здесь в условном «медвежьем углу» находимся, хорошо для нас.

— «*Мы далеко — это прекрасно. Мы сами по себе, и это надо использовать, а не гнаться за Москвой.*»

Есть скульпторы у нас, которые работают в декоративной скульптуре, чего вообще в центральной части России практически нет. В Москве, в Петербурге есть чёткое разделение на академическую скульптуру, которая стала штаффажной (огромное количество князей, монахов и чего-то там ещё), и на актуальные практики, типа «Большой глины №4». А аутентичного городу там мало. У нас есть возможность развивать декоративно-монументальное. То есть занять нишу, которая лучше всего работает на городскую среду. Потому что монумент, памятник — это пафос. Скульптура может быть «тёплой», разговаривать со зрителем.

Для концептуальной скульптуры нужно соответствующее пространство. Чем хороша концептуальная современная скульптура в Европе или Америке? Среда! Она насыщенная, историческая. И когда в историческом квартале появляется современный арт-объект, это смотрится свежо, потому что работа контрастирует. И когда в супермодном районе из стекла и бетона или

в бизнес-центре появляется современная скульптура — это тоже хорошо, потому что они «говорят на одном языке». А мы и от советского прошлого не отошли, и в новое вошли не совсем, и исконное деревянное зодчество у нас мало представлено, не как в Иркутске, например. Нам надо развивать собственное сибирское направление, на мой взгляд.

— А есть какие-то шаги по выработке этого сибирского направления?

— Монументально-декоративная скульптура. У нас богатое наследие: окуневская, тагарская скульптуры, в целом археология Сибири, скифское наследие, сибирское зодчество. Тем множество. Именно наших, уникальных. То, что пытаются подвести под бренд «Енисейская Сибирь». Вот в этом ключ к сюжету, к тематике.

А в плане формы — нужно больше разной пластики. То есть не только бронза и камень, но и другие материалы, например, металлическая выколотка, световые инсталляции и т.д. Но чтобы они были не пустые, формальные, а имели художественный образ.

У нас есть институт, основанный выдающимися академиком. Я бесконечно благодарен учителю А.Е. Ткачуку, руководителю мастерской скульптуры в нашем отделении Академии художеств. В Красноярске выходит журнал «Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока». Мы пытаемся развивать эти темы со студентами. Сейчас у студентов появилась традиция представлять свои произведения на площади перед институтом. План расписан на годы вперёд. Сейчас там стоит традиционная работа «Св. Елизавета Фёдоровна», в следующем году будет мозаичная работа в национальном колорите. Это важно для студентов, чтобы они где-то могли реализоваться.

— Почему в красноярской скульптуре так популярны античные образы?

— Обращение к античности диктует тема. Как Фемида у суда или Аполлон могут быть не античными?

— Что скажете про памятник Андрею Поздееву?

— Хорошо, что вы называете его по имени, потому что в представлении горожан он уже стал просто памятником художнику. Памятник стоит в хорошем месте, он популярен у жителей. При этом много разговоров идёт о том, как он интегрирован в среду (что у него нет отбивки, постамента). Позднее при жизни был довольно замкнутым человеком, смотрящим внутрь себя, а памятник такого типа делает из него общественника. На мой взгляд, постамент нужен. Просто хотя бы затем, чтобы скульптуре не натирали так активно нос.

— Достаточно ли сегодня заказов на скульптуру в Красноярске? Насколько тяжело жить скульпторам?

— Специальность скульптора всегда будет с работой. Многие ребята, с которыми я учился, графики и живописцы, сейчас рисуют компьютерные игры, иконки для приложений. У скульпторов проблем с заказами нет: это и городская скульптура, и частные заказы, фестивали льда и песка. Случаются конкурсы, но это единичные случаи: конкурсы проходят фундаментально, участвуют большие игроки, да это и не должно быть постоянно, иначе превратится в тираж.

А заказы... Это бюсты, портреты, мемориальные доски. Много заказов для оформления — какие-то фигуры в магазинах, в детские центры. Из пенопласта, из гипса, из папье-маше. Макеты. Будучи студентом, я делал несколько моделей для Медакадемии — модель мозга, нервной системы. Потом делал детские игровые комнаты. Все скульпторы, кто лепить может, у кого ремесло на хорошем уровне, работают постоянно.

— Каких скульптур не хватает сегодня Красноярску?

— Не хватает декоративной скульптуры. Она должна сопровождать процесс проектирования новых кварталов, жилищных массивов. Это то, что называлось «синтез искусств» в советское время: создаётся пространство, в котором сосуществуют все виды искусства. Здесь может быть сграффито, мозаика на фасаде, сам архитектурный объект и скульптура.

Сейчас мы делаем для нового квартала на правом берегу концепцию из нескольких скульптур. Там красивое камерное пространство, и если оно ещё обогатится скульптурами, будет вообще прекрасно. Для этого квартала определена тема из одного литературного произведения. В целом же темы могут быть различными, нет ограничения.

« — Порог входа в монументально-декоративную скульптуру большой, от насекомых до этнической идентичности. »

Всё зависит от подачи, от того, как хорошо работает скульптор, как работа будет вписана в среду.

— Изучают ли студенты не только академическую скульптуру? Например, кинетическую, конструктивистскую, абстрактную.

— На практике такие скульптуры делать сложно. Как правило, мастера этих направлений работают с цехами и предприятиями. Конечно, и в Красноярске можно договориться с заводом, с РУСАЛом, например. То, что делают в Европе из листово-

го металла, что делает, например, Р. Серра — это мощности заводского производства. В Красноярске это направление совершенно не развито.

Студенты, обучаясь, эти темы затрагивают, но не слишком погружаются. У скульпторов есть общий курс истории искусства, где преобладает живопись. Было бы прекрасно, если бы был отдельный курс «История скульптуры». В этом году мне как младшему преподавателю кафедры дали вести «Пропедевтику», я стал вводить, опираясь на свою диссертацию, дополнительную информацию по истории скульптуры.

— Расскажите про свою скульптуру «Времена года». В чём замысел и где она сейчас находится?

— Первоначально скульптура была представлена на площади перед Институтом искусств. Марина Валентиновна Москалюк сформировала эту традицию — представлять там работы выпускников. Кстати, так получилось, что первым прецедентом на этой площади была совместная работа нашего курса «Апостолы и Христос». Они стояли на площади до тех пор, пока не были переданы церкви. Там тоже был длинный процесс по поводу их установки, потому что фигуры были сделаны для конкретного места — органного зала. Были получены уже все разрешения на установку их на фасаде органного зала в рамках реконструкции исторического квартала, потому что

по проекту архитектора В. Соколовского они там должны быть, их просто не успели сделать. Более того, на самом органном зале до революции была фигура Христа, есть даггеротипы в Красноярском краеведческом музее, где эта гипсовая статуя видна. Мы сделали техническое обследование, работы выполняли по даггеротипам. Но тут начался конфликт церкви и филармонии, потому что они делят костел, и нам не удалось поставить свои скульптуры. Тогда Православная церковь сказала: «Давайте нам. Мы не против». Поэтому сейчас скульптуры уехали для установки в сквере возле храма Рождества Христова на ул. Щорса.

Кстати, по поводу скульптур у храмов — прекрасный памятник архиепископу Луке по сомасштабности, содержанию. И постамент хоть невысокий, но никто ничего не трёт.

— Так как же определилась тема вашего диплома «Времена года»?

— У меня было три вектора: коренные народы Севера; времена года и тема алтайской принцессы

пазырьской культуры. Выбрали «Времена года» по той простой причине, что техника новая — мозаичная, такого ещё никто не делал. И тема русская. В Сибири ведь есть определённый уклон в сторону Азии. У нас в институте, особенно на скульптуре, много бурят, есть якуты, тувинцы, ребята из Узбекистана приезжают. И у всех тема своей идентичности. «Времена года» были сделаны в противовес этому, потому что восточного много, а русского — нет, хотя мы же вроде в России.

— А как вы выбрали мозаичную технику?

— Мозаика существует тысячелетия, со времён шумеров и доколумбовой Америки. Но чаще всего её используют как материал для настенной монументально-декоративной живописи или для облицовки фонтанов. Я решил использовать этот материал для создания скульптуры в силу его специфич-

ности: он необычный и долговечный. Это попытка попробовать что-то новое — скульптуру в технике мозаики. Причём использовался обратный набор. Потому что, как правило, мозаика на криволинейной поверхности — это прикладной способ; то есть мы слепили форму, а мозаичные кусочки начинаем прикладывать поверх неё. А здесь было принципиально иначе. Сначала все модели были вылеплены в глине в натуральный размер, потом отформованы, и мозаика укладывалась в гипсовые формы, а потом соединялась, собиралась, сваривалась.

— Почему это так принципиально?

— Когда мозаика накладывается на поверхность, она меняет очертания. Она имеет толщину — в моём случае это советский кирпичик толщиной 2 см, и тогда тонкие элементы (руки, лицо) превратились бы в невнятную массу. Как только появляется много цвета, детализация формы должна отступить на второй план.

Когда скульптура появилась на площади, то мнения о ней были диаметрально противоположные. Одни говорили: что это за ужас? Другие: хорошо, необычно, интересно. Как раз в силу того, что люди привыкли к скульптуре монохромной, к античной белизне. Говорили: «Надо было определиться — либо цвет, либо форма».

Мозаичная техника подходит для темы «Времена года» — она яркая, сочная. Другое дело, что та советская мозаика, которую я использовал, не позволила мне достичь полностью всех задач, которые хотел, по цвету. Это смальта, хранившаяся в Красноярске с советских времён. Она лежала в подвале Института искусств до тех пор, пока я не обнаружил её и попросил разрешения использовать. Я списывался с московскими и петербургскими мозаичистами, технически консультировался: какой клеящий состав использовать, как? Мне ничего толком не сказали, потому что они работают в основном на плоскости. Приходилось всё подбирать экспериментальным путём. Техника кропотливая, но и интересная, благодарная. На всё у меня ушёл год. Сейчас эта скульптура стоит перед зданием Новых художественных мастерских Союза художников на ул. Высотной. «Времена года» там смотрятся уютно и камерно, хотя и может показаться, что им там тесновато. Потому что на этапе проектирования предполагалось, что они будут стоять на открытом пространстве, будут участвовать в массовых гуляниях.

— В сети есть видео, где вы представляете свой проект фонтана «Барон Мюнхгаузен» и говорите, что Красноярску необходим такой фонтан, поскольку город должен, как знаменитый барон, вытащить себя за волосы из болота. Что это за проект?

— Его пока не удалось реализовать. Это была инициатива, с которой я участвовал в проекте «Поколение-2030».

— Как ощущает себя скульптор, когда его работу может увидеть весь город? Как-то меняется понимание себя и своего творчества?

— Да. Смешанные чувства. Всё, какой ты есть, ты показал. И ты постоянно переживаешь, нянчишься. Ходишь, смотришь. Выискиваешь недостатки, что надо было сделать по-другому. Но работа начинает жить своей жизнью. Она от тебя отделилась.

Текст _ Татьяна АЛЕШИНА

Организаторы Сибирского
форума хлебопечения
с членами жюри
чемпионата.
Ирина Максимова –
в центре.

Как мы принимаем гостей

Мы не задумываемся, как всего за 20–30 лет в Красноярске изменилась сфера туристических услуг. В начале 1990-х такого явления, как фирменное такси, не существовало вовсе, в ресторанах задавали тон полукриминальные компании, а гостиницы фактически были беззвёздными.

Сегодня город стал заметной точкой на гастрономической карте Европы, гости с комфортом отдыхают в красноярских отелях, а стоимость туров по сибирским экзотическим местам сопоставима с ценами путешествий в самые привлекательные уголки разных континентов. При этом туристический потенциал края раскрыт далеко не полностью.

О том, что притягивает в Красноярск путешественников и чем мы готовы удивлять, рассказала Ирина МАКСИМОВА – исполнительный директор Сибирской ассоциации гостеприимства, которая объединяет десятки красноярских рестораторов, отельеров и владельцев туристического бизнеса. Что скрыто за красноярским «Добро пожаловать»?

– Ирина Валентиновна, начнём с главного вопроса: **каковы, на ваш взгляд, основные точки притяжения гостей в Красноярский край?**

– Конечно, вне всякого сомнения, они связаны с природой. Вряд ли ради нашего краеведческого музея, хотя он и замечательный, к нам поедут из Москвы. А вот ради гор, тайги, Енисея – безусловно. Ну и отчасти для того, чтобы побывать в наших ресторанах. Не устаю повторять: развитый туризм невозможен без инфраструктуры, а это, прежде всего, размещение и питание. Ни один турист не останется лояльным, если его невкусно накормят.

Какие конкретно места особенно понравятся у нас? Например, новый объект – самая длинная лестница России на Торгашинском хребте. От её посещения, преодоления 1683 ступенек и открывающегося на вершине подъёма вида, как рассказывают наши гости, захватывает дух. Второе – «Бобровый лог» с его современными подъёмниками, видами на Такмак и красноярские Столбы, а после ужина в ресторане «Хозяин тайги». Это самодостаточный туристический объект – спасибо Норникелю за то, что в своё время был спроектирован и построен этот спортивно-развлекательный центр. Здесь сохранён сибирский колорит во всём.

Если говорить об оригинальных и примечательных красноярских ресторанах, нельзя не назвать «Чешую» и трактир «Формаджи». Трактир уже 11 лет сохраняет статус лучшего ресторана домашней итальянской кухни в Красноярске.

В 2020 г. у нас открылся великолепный ресторан «Тунгуска» компании Verwood Family, который привлекает и дизайном, и авторской кухней Николая БОБРОВА. За два с небольшим года он получил уже ряд разных премий, включая международные.

Хотелось бы как точку притяжения назвать и замечательное место с пока ещё не раскрытым туристическим потенциалом – Дивногорск.

Как только там обновили набережную, туда ринулись туристы. Но инфраструктуры остро не хватает: надо строить дороги, парковки, местные жители страдают от припаркованных во дворах автомобилей. Так что с этой достопримечательностью ещё много работы.

Упомяну отель «Алсей», напоминающий средневековый замок, и ресторан «Маяк» с сибирской кухней по дороге в Дивногорск. У нас, кстати, большой дефицит загородных отелей, где можно комфортно отдохнуть. Необходимость в них остро возникла в пандемию, и люди оценили «Алсей», загрузка отеля резко выросла. Тем более что рядом расположен мемориальный астафьевский комплекс в Овсянке. Словом, это отличное место для туристов.

– **Насколько у нас вообще продвинутый город в сфере HoReCa, если сравнивать с другими?**

– Если продолжить об общепите, то он всегда был в Красноярске на высоком уровне. В 2014 году мы оказались на втором месте после Санкт-Петербурга по числу ресторанов на количество жителей!

Огромным преимуществом, прорывом для красноярского ресторанного дела в 2018 году стало открытие в СФУ Высшей школы гастрономии. Это уникальное учебное заведение, в России единственное, которое заключило контракт со знаменитым французским Institut Paul Bocuse. В СФУ первыми в России начали готовить шеф-поваров с высшим образованием. Спасибо Алексею ГОРЕНСКОМУ и Анатолию ВАЩЕНКО, которые не пожалели своих специалистов для учебного заведения: теперь они занимаются преподаванием.

Кстати, Сибирская ассоциация гостеприимства, наверное, была первой, кто привёз в Красноярск французскую гастрономическую школу – в 2011-м мы проводили в спа-отеле «Такмак» неделю французской кухни. Строили планы в 2012 году открыть и Школу гостеприимства на

базе нашего техникума индустрии гостеприимства и сервиса на проспекте Metallургов. Но тогда финансово проект не был никем поддержан, а мы всё же общественная, не коммерческая структура. Так что всё осталось только в планах.

– **А как обстоят в Красноярске и крае дела с гостиницами? Какой из отелей, по вашему мнению, самый достойный?**

– Гостиницы всегда немного отставали от общепита. Но тут свою роль сыграла Универсиада, а чуть раньше – рост населения. Как только город стал миллионником в 2012 году, он сразу попал в планы развития международных сетевых гостиничных брендов, таких как Hilton и группа AccorHotels. В 2014 году открылся красноярский Hilton, в 2015 – Ibis и Novotel. Ну, а к Универсиаде гостиничный бизнес был систематизирован, объекты размещения гостей занесены в реестр, зафиксирован общий номерной фонд. Открылось тогда много небольших отелей: общее их число выросло к Студенческим играм раза в три.

На сегодня, к сожалению, по гостиничному бизнесу больно ударила пандемия с ограничением передвижений, запретами. В основном выжили сетевые гостиницы с высоким уровнем менеджмента, с ресторанами. Остальные сильно пострадали. Например, на ул. Сурикова был замечательный Soft-отель, который имел высокий уровень комфорта, был оснащён первоклассной сантехникой и мебелью. Но он закрылся в 2021 году, сейчас на его месте медцентр.

– **Он был пятизвёздочным?**

– Почти. Не получил эту категорию только потому, что не имел полноценного ресторана, обязательного для пяти звёзд; точнее, ресторан в Soft не имел входа с улицы.

Из тех гостиниц, что работают сейчас, хороши Novotel, он 4-звёздочный, и «Красноярск». Здание старое, но внутри номера отремонтированы, там прекрасные холлы, коридоры – денег на обста-

новку владельцы не пожалели. Категория у него «три звезды», но не потому, что отель не тянет на более высокую. При повышении «звёздности» всегда растут цены на размещение, а «Красноярск» хочет работать на более широкий круг гостей. Богатых постояльцев ведь не так много, а номерной фонд достаточный.

Хочется отметить и «Октябрьскую», там тоже серьёзно вложились в реконструкцию номеров. А питанием гостей полностью обеспечивает трактория «Формаджи». Вместе гостиница и ресторан составили прекрасный тандем.

— В 1990-е иностранцев не то что поселить в нормальной гостинице, но даже сводить в хороший ресторан было сложно...

— Да, бурное развитие сферы гостеприимства началось у нас примерно с 2010-х годов и, конечно, к 2019-му. Сейчас в крае, его городах и муниципалитетах около 400 отелей. А в самом Красноярске до Универсиады насчитывалось лишь 33 гостиницы, имеющие больше 50 номеров.

— Где красноярские отельеры набирают персонал?

— Когда-то специалистов готовил Восточно-Сибирский институт туризма, это был частный вуз. К сожалению, более пяти лет назад он закрылся, остался колледж. Однако флаг подхватили другие учебные заведения. В СФУ, в Институте физкультуры, спорта и туризма, раньше ориентировались в основном на спортивное туристско-рекреационное направление, но теперь готовят выпускников именно с прицелом на сферу гостеприимства. Хорошо знаю об этом, поскольку там преподаю. Кроме того, «гостиничников» около четырёх лет назад начал готовить и Институт торговли и сферы услуг СФУ. Был у нас и филиал Санкт-Петербургского университета технологии управления и экономики, но закрылся. Работают несколько техникумов. Но, несмотря на это, кадров для сектора HoReCa не хватает.

— Какая роль в развитии этой сферы принадлежит Сибирской ассоциации гостеприимства? Продвигает ли она наш «туристический продукт» в других регионах и странах?

— Конечно! За рубежом это не так просто, но мы преуспели и там. В июле этого года Ассоциация исполнит 18 лет. Два наших самых крупных выставочных проекта — это Сибирский форум хлебопечения и Сибирский форум гостеприимства — хорошо известны в профессиональной среде по всей России и не только. Форум хлебопечения в этом году состоялся в 18-й раз, в его рамках пройдёт российский чемпионат по хлебопечению. Он стал российским, поскольку к нам приезжают участники со всех регионов. А победители участвуют в Кубке мира на известной в мире выставке IBA по хлебопечению и кондитерии в Германии. Наша красноярская команда там частый гость, уровень хлебопёков очень высокий. Красноярские чемпионы прославляли наш край — немцы даже не ожидали, что в Сибири такие высококлассные специалисты.

— Можно ли попробовать хлеб, испечённый победителями?

— Да, например, у одной из компаний, «Хлебный двор», есть своё производство в Советском районе Красноярска, и недавно они открыли кафе-пекарню в Преображенском на ул. Петра Ломока.

— А Сибирский форум гостеприимства — что за мероприятие?

— Это, прежде всего, большая образовательная программа для представителей индустрии гостеприимства, чемпионат по кулинарии и сервису. Финалисты соревнований участвуют в чемпионатах на международной выставке «PIR EXPO» в Москве. Там собираются победители чемпионатов по кулинарии и сервису из всех стран СНГ и многих стран мира. В 2019 году наша участница Анастасия СТЕПАНОВА стала второй в российском чемпионате кондитеров, а затем первой в Европе. Сейчас она работает в Красноярске, делает арт-торты на заказ. Кондитеры — победители нашего чемпионата 2021 года стали первыми на российских соревнованиях «Легенда» в Перми. У нас вообще много чемпионов.

— Оказывают ли власти края поддержку гостинично-ресторанному бизнесу?

— Да, есть некоторые виды поддержки: это, прежде всего, налоговые льготы, региональные субсидии, кредитные программы. Например, недавно завершился приём документов на региональную программу поддержки для малого и среднего предпринимательства (МСП) в городе Красноярске. Многие наши предприятия, которые уже купили оборудование, смогут получить по ней субсидии. Немало предлагается и кредитных продуктов под низкие процентные ставки для

МСП от Агентства развития бизнеса Красноярского края.

— А что даёт компаниям участие в Сибирской ассоциации гостеприимства? Вообще, любое кафе или турфирма могут войти в её состав?

— Конечно, любая компания может стать участником нашей организации.

○ На сегодня у нас около **30** юридических лиц. А предприятий в разы больше, поскольку, например, у сети «Съем слона» **40** столовых, а у Bellini group — **23** ресторана.

К сожалению, из-за экономических проблем вместе с сокращением рынка уменьшилось и число участников ассоциации. Буквально на днях закрылись два предприятия. Многие держались в пандемию, ждали, когда восстановится спрос, но сейчас ситуация осложнилась. Покупательский спрос населения снизился. Так что общепит страдает снова.

— Участники ассоциации платят взносы? И что имеют взамен?

— Ежемесячный взнос от 1000 рублей. В ответ компании получают представление и защиту своих интересов в законодательных и государственных структурах. Во время пандемии Сибирская ассоциация гостеприимства была единственным профессиональным «рупором», который лоббировал интересы нашей отрасли. Мы тогда направили десятки обращений губернатору, в министерства сельского хозяйства, экономического развития, в Роспотребнадзор, и это повлияло на решения власти по снижению и отмене многих нецелесообразных ограничений, снижению региональных налогов на наш бизнес. Совместная работа велась и с федеральным объединением рестораторов и отельеров, в которое мы входим с 2005 года. Наши опросы, исследования рынка, отстаивание своей позиции однозначно сыграли важную роль.

Ассоциация входит в общественные и координационные советы при профильных министерствах и ведомствах региона, что является одним из инструментов влияния на формирование идеологии развития сферы гостеприимства в крае, создание цивилизованной отраслевой инфраструктуры.

Мы постоянно занимаемся информационной и консультационной поддержкой членов ассоциации: по открытию и развитию бизнеса, по внедрению систем пищевой безопасности, по стандартам работы с гостями, проектированию объектов индустрии и т.д. Занимаемся подбором кадров, работаем с учебными заведениями края по трудоустройству выпускников, по организации баз практики во время обучения.

— А туристическое направление развиваете?

— Да, но с этим сложнее. Работаем на основных туристических направлениях, с южными районами края, с Шушенским, Минусинском, из северных — с Енисейском.

○ В 2021 году провели **2** образовательных проекта — стажировки на флагманских объектах отрасли. Около **20** предприятий из районов края приняли участие в наших бизнес-турах по лучшим ресторанам и гостиницам с приобретением новых знаний и навыков.

Программы поддержали агентства по туризму и по развитию бизнеса. Мы помогаем организовывать бизнес-туры и для рестораторов со всей России, ближайший состоится в конце мая.

— Есть ли у туристов спрос на сибирскую экзотику?

— Есть, но многие хотят совсем настоящей экзотики. Например, популярна рыбалка на Подкаменной Тунгуске, туры на озеро Лама, на плато Путорана. Интересует туристов добыча золота, многие готовы отправиться куда-нибудь на поиск помыть золото. Но таких туров нет.

Вообще, туристический потенциал края, я считаю, не раскрыт даже на 10%, в том числе потенциал Красноярска и его городов-спутников. К примеру, Дивногорск мог бы стать настоящей меккой для туристов! Здесь есть чем заняться зимой, на-

пример горными лыжами. «Бобровый лог» в сезон не справляется с наплывом туристов, а в Дивногорске есть спорт-отель «Дивный», но и этого недостаточно. А летом нужно придумывать, чем завлечь людей. Конечно, все едут на Красноярскую ГЭС, но нужны комплексные программы. Может, пешеходные тропы, маршруты. В крае любой туристический продукт должен быть комплексным.

Многие выступают против того, чтобы обустроить дикие природные места. Я не согласна с этим. Другое дело, что надо делать всё с умом, создавать комфортные места отдыха не в ущерб природе, площадки для пикников, привалов. И это не мелочи, а важные для региона проекты.

— В сравнении с другими сибирскими регионами краю есть куда расти в туристическом плане?

— На мой взгляд, стоит ориентироваться на Алтайский край, который обошёл Красноярский по развитию туризма. Там огромное количество сплавов по реке Катунь, других маршрутов. Не так давно начали осваивать озеро Телецкое: на озере построен шикарный пятизвёздочный отель, куда туристов доставляют на вертолётах. От желающих там отдохнуть, говорят, нет отбоя. Современному путешественнику не нужна неустроенность, ему хочется походить по дикой тайге, но затем вернуться в комфортные условия, принять душ, лечь на мягкую кровать.

— Красноярские красоты называют Сибирской Швейцарией. А какие ассоциации вызывает Красноярье лично у вас?

— Мне кажется, такой мощи, необъятности нет нигде. И дай нам Бог не потерять всё это, сохранить наше море тайги, наш красивейший Енисей. Впечатляет он не только в Красноярске, но и у истоков. Всегда восторженно рассказываю о Тыве, о Кызыле: это уникальное место, где можно встретить несколько природных зон сразу — степи, горы, пустыни, тайгу. Это ещё и гастрономический рай для мясоедов!

Я много где бывала, но мне кажется, что Сибирь несравнима ни с чем.

— Что увозят туристы от нас в качестве сувениров?

— В последние годы покупают много местных травяных чаёв, настоек на наших травах. Вообще, везут местные продукты, например, каждый стремится увезти хотя бы одну рыбку. Перед Универсиадой мы собрали предприятия, которые могут готовить «гастрономические подарки», — хлебопекарни, мясоперерабатывающие компании, компании по переработке дикоросов. Продукты из вяленой оленины, енисейской рыбы пользовались огромной популярностью.

Ещё одним замечательным сувениром, который мы дарили туристам, стала книга «Традиции енисейской кухни». В основу книги легли рецепты, собранные в районах края, старинные рецепты из книги о сибирской кухне Екaterины АВДЕЕВОЙ (ПОЛЕВОЙ). В реализации нам помог известный красноярский учёный и гастроном Игорь ШЕИН. Все рецепты в сборнике — «живые», проверенные на наших кулинарных чемпионатах или в ресторанах города. В результате сформировали реестр блюд енисейской кухни, его можно посмотреть на сайте нашей ассоциации.

— Ирина Валентиновна, как лично вы оказались в сфере гостеприимства и в самой ассоциации?

— По специальности я товаровед продовольственных товаров, окончила Красноярский торговый институт, тогда ещё филиал Ленинградского института советской торговли. В Сибирскую ассоциацию гостеприимства попала благодаря её основательнице Марине Николаевне БЕЗФАМИЛЬНОЙ, энтузиасту своего дела. Работаю здесь уже 14 лет.

— Если надеяться на лучшее, то какие строите планы?

— Во-первых, хотелось бы расширить наши проекты, выходить на международный рынок. Мечтаю, чтобы наши форумы стали более масштабными, и в них принимало участие как можно больше красноярских специалистов. Сибирская ассоциация гостеприимства — отличная площадка, где мы можем воспитывать кадры, у нас много наработок. Хочется большого обмена школами, традициями между разными регионами, чтобы к нам приезжали профессионалы со всей России.

Строим планы по дальнейшему развитию проекта енисейской кухни, чтобы её основы изучали студенты профильных направлений. Есть и планы по повышению уровня культуры обслуживания, уровня сервиса и по развитию сибирских кулинарных традиций в районах и муниципалитетах края.

Текст _ Людмила АБРАМОВА

Баллада в красках

А помнишь стройотряд? А помнишь ОКОД (оперативный комсомольский отряд дружинников, — ред.)? А помнишь поездку по комсомольской путёвке? А преподы наши классные? Так начинается любой разговор выпускников красноярского Политеха. Так встречаемся и мы — Анатолий ЩЕЛКАНОВ, директор издательства «Поликор», и автор этих строк, которая когда-то вела у него черчение, а позже — руководила институтской телестудией КОНТУР.

— Анатолий Николаевич, а что для вас Политехнический институт?

— Институт дал мне всё! Мне повезло в жизни, что я поступил в Политехнический на радиотех. Наши строгие и требовательные преподаватели, профессиональные и преданные радиотехнике люди, общались с нами как с равными, ориентировали нас на достижение больших целей. Постоянно вспоминаем их: Георгий Сергеевич Турчанинов, Жанна Павловна Матросова, Сергей Михайлович Гнетулло, Виктор Иванович Томилин, великий общественник Наталья Анатольевна Алексеева и бесконечно уважаемая всеми «радистами» Галина Кирилловна Былкова. Политех воспитал и подготовил нас к жизни: мы практически жили в вузе, нас сплавивала и комсомольская работа. Кстати, это очень помогло в девяностые! И помогает до сих пор.

— Помню первокурсника Анатолия Щелканова — собранного, целеустремлённого паренька, помню ответственность, с которой он относился к учёбе.

— Я тоже помню, с каким терпением вы добивались от меня хороших чертежей (*смеётся*). В селе Холмушино Иркутской области, где я родился и вырос, черчение не преподавали. Но желание учиться и любовь к истории моя мама Алла Михайловна мне привила. Она работала учительницей, и мне надо было соответствовать. Отец Николай Николаевич обладал недюжинной силой и был, как говорили в селе, «рукастый». От него я взял стремление к физическому развитию и овладению ремеслом.

После переезда семьи в г. Зима начал в школе заниматься карате, в 9-10 классах увлёкся радиотехникой. Кстати, горжусь тем, что, работая год после школы на зиминском ЛДК строгаем 4 разряда, собственноручно прострогал все бруски из сибирской лиственницы для изготовления покрытия велотрека в Крылатском, построенного к Олимпиаде-80.

— А стремление быть лучшим в любом деле — от кого?

— Оно сформировалось в конкурентной борьбе со старшими сёстрами! Если серьёзно, такая установка была в семье: если взялся что-то делать, делай отлично! Поэтому чтобы гарантированно поступить на специальность «Конструирование и производство радиоаппаратуры», куда был большой конкурс, я год был слушателем подготовительного отделения. В 1980 году мечта сбылась.

— Вы в институте успешно совмещали общественную работу с научной, с отличием защитили исследовательский диплом, были распределены на кафедру. Почему не стали делать научную карьеру?

— Надо было зарабатывать на квартиру. И я пошёл в Октябрьский райком комсомола заводским отделом спортивной оборонно-массовой работы. Потом два года — в горкоме ВЛКСМ в том же статусе, работал с призывниками, с воинами-интернационалистами. Был в служебных командировках в горячих точках в Афганистане и Никарагуа.

— То есть работал политруком?

— В Афганистане — да. В Никарагуа в составе отряда из 20 добровольцев собирал кофе — помогали по просьбе правительства воюющей страны (кофе — важная статья их бюджета). Получил ранение, контузию и награждён высшей наградой Сандинистской молодёжи.

— А среди добровольцев только русские были или представители других стран тоже?

— Всемирной федерацией демократической молодёжи был сформирован международный отряд добровольцев из 24 стран. Мы очень подружились и до сих пор, что называется, на связи.

Вернувшись из командировки, я перешёл в красноярский краевой комитет ВЛКСМ заводским отделом спортивной и оборонно-массовой работы. Был организатором и руководителем

работ по строительству памятника погибшим воинам-интернационалистам.

— Я хочу, чтобы мы отдельно поговорили про эту историю, но у меня есть и своя, связанная с этим памятником. Мы делали видеосъёмку в мастерской замечательного скульптора Бориса МУСАТА. И поодаль от монументальных голов и бюстов я увидела ещё не завершённую скульптуру молодого воина с автоматом. Спросила: «Борис Ильич, это же совсем мальчишка, а уже в солдатской форме и с оружием. Кто это?». Мастер ответил: «Это будущий памятник воинам-интернационалистам, погибшим в горячих точках. Вы думаете, туда богатырей посылали? Нет! (Мусат даже слегка рассердился на мою неосведомлённость, — Л.А.) Набирали из призывников после учебки, а призывают у нас в 18 лет. Вот потому и «совсем мальчишка!» Один из инициаторов строительства памятника — выпускник Политехнического института Анатолий Щелканов, сам побывавший в горячих точках. И он тоже есть частичкой в этом собирательном образе мальчишки воина-интернационалиста».

Так что о том, что вы стояли у истоков создания памятника, я знаю давно. А как идея воплощалась в жизнь?

— Это длинная и тяжёлая история! Внешне в те времена всё начиналось славно. Очень уж была выигрышна «афганская» тема для микрофонных речей, для набора очков в рейтинговой борьбе.

Комсомол взял на себя неизбежные бумажные заботы, было принято постановление о строительстве, объявлен конкурс на лучший проект памятника, открыт счёт. Тысячи людей по червонцу, по пятёрке вкладывали в святое дело. Газета «Красноярский комсомолец» выполняла функции пропагандиста и частично организатора. И рубрику вели «В долгу перед памятью».

К сожалению, период внимания к «афганцам» скоро кончился. У меня сохранилась публикация с подробным описанием всех наших мытарств.

«Завершился конкурс. Мальчишка с тонкой шейей, с тяжёлым «калашиковым» в опущенной руке во всепрощении глянул на нас, на город, навсегда уходя из нашей жизни. Таким представили памятный знак скульптор Борис Мусат и архитектор Сергей Геращенко. Они и выиграли конкурс, получив горячее одобрение ветеранов Афганистана. И, видимо, ущемили чьи-то амбиции — начались препоны чиновников от искусства. Художественный совет худфонда, которому Богом и долгом службы положено принять выигравший проект, составил документацию, подготовил формат, найти исполнителя и доставить в город уже отлитую скульптуру, вдруг всё своё внимание обратил на макет архитектурной композиции. А на макете — о, кошунство! — отсыпка не окрашена в положенный зелёный цвет. И, невзирая на объяснения «нерадивого» Геращенко, на дипломатические предложения Щелканова всё же осмотреть саму скульптуру, оскорблённый художественный совет проект-победитель «завернул». Раз и навсегда. Но проект-победитель спасли «афганцы», которые приобрели союзника в лице председателя городского совета В.С. Кузнецова. И Анатолий Щелканов, завотделом горкома комсомола, получил разрешение на изготовление скульптуры в Российском худфонде, минуя местный. Она прошла экспертизу и была утверждена Российским художественным советом. Но это было только начало...» (Газета «Вечерний Красноярск», № 40 (497), 3 марта 1993 года)

Почти 6 лет длилась эта борьба за памятник, но мы не опускали руки, и 2 августа 1994 года, в День воздушно-десантных войск, памятник воинам-интернационалистам был открыт. Хочу ещё раз сказать спасибо Константину Козлову — организатору конкурса, первому председателю краевого совета воинов-интернационалистов, и Сергею Щипову — председателю комитета по общественно-политическим отношениям администрации края, главному руководителю штабов стройки. И, конечно, ребятам-афганцам, кто колотил и возил ящики со скульптурой через всю страну, доставал бронзу: Николаю Черникову, Эдуарду Исаченко, Борису Метелкину, Вадиму Тарасову, Андрею Валькову, Павлу Кудасову, Ихтиандру Хаджикурбанову и многим другим. Общими усилиями мы поставили памятник, и он был признан лучшим в России памятником, посвящённым служившим в Афганистане.

— Поговорим о другом вашем детище — «Ситалле». Откуда взялась идея — создать типографию?

— Наверное, из веления времени. Но у этого тоже была непростая история. При Молодёжном центре крайкома в 1992 году было зарегистрировано научно-внедренческое предприятие «Ситалл», которое занималось сборкой компьютеров и установкой спутниковой связи. Я же радиотехник. А в 1993 году была создана типография «Ситалл». Создание типографии было моим личным выбором: в то время в нашем городе не было предприятия, которое могло печатать красивые буклеты. Однажды мы отдыхали с моим болгарским другом, который, глядя на буклет гостиничного комплекса, предложил вместе создать бизнес. У него был знакомый, занимавшийся поставкой оборудования, а моя задача заключалась в том, чтобы найти деньги.

— И деньги нашлись?

— Деньги занял в банке «Енисей» под 280% годовых и у Союза афганцев. Серьёзные деньги! Конечно, это было рискованное предприятие: дорогостоящее оборудование было поставлено через Болгарию из Германии, помогли друзья по «командировкам». Пригласил людей, которых знал по институту и комсомольской работе. На протяжении нескольких лет приходилось обучать сотрудников не только профессии, но и новому отношению к работе, к оборудованию: в головах ещё прочно сидел поздний социализм с нежеланием особо напрягаться и беречь средства производства.

Но когда стали появляться приличные доходы, акционеры решили со мной расстаться. Скрепя сердце я покинул своё детище (10 лет ему отдал!) и в том же 2003 году зарегистрировал новое предприятие — типографию «Поликор», в которой я и собственник, и директор.

— То есть всё сначала?

— В 2003 году кредитные ресурсы было практически невозможно привлечь, не имея залога или поручителей. Никакого имущества у меня не было, и здесь помогла наработанная репутация. Я как физическое лицо являлся членом клуба «Гейдельберг» (Heidelberg) — это элита типографий России. Членство в клубе даёт серьёзные преференции при покупке оборудования по скидкам. Клуб

существует с 1997 года и объединяет ведущие российские полиграфические предприятия: красноярский «Поликор», тульское ИПО «Лев Толстой», екатеринбургский ПД «Формат», алма-атинский «Интеллсервис», новосибирский «Харменс», минский «Новик», московские типографии и др. В моём случае члены клуба выступили поручителями, в том числе по кредиту. Всё печатное оборудование у нас компании «Гейдельберг».

— Каков ассортимент продукции?

— Ориентируемся на издание книг разных направлений и жанров. В том числе на научно-популярные, художественные, фотоальбомы приходится более 40% от общего оборота предприятия.

В год выпускается примерно 10-15 тысяч экземпляров

книг научно-популярной тематики, для регионального рынка эта цифра существенна. Издательство является постоянным участником и победителем регионального конкурса «Книжное Красноярье», и за прошедший период только в рамках этой программы выпущено более 60 книг, ставших победителями региональных и федеральных конкурсов.

Вторым по значимости в структуре выручки предприятия является сегмент представительской продукции. Благодаря наличию специального оборудования мы предлагаем нестандартные полиграфические решения, изготавливаем сложные, эксклюзивные презентационные издания и проекты. Одна из новых технологий — UV LED-печать для получения эффекта свечения на металлизированных бумагах — создана непосредственно нашим конструкторским бюро на печатных мощностях предприятия и защищена патентом.

— В «Полигоре» имеется своё конструкторское бюро?

— Да, ООО «Полихром» мы создали в октябре 2015 года. За пять лет им разработано UV LED оборудование для модернизации офсетных печатных машин. Получен патент на изобретение. Оборудование производится мелкосерийными партиями, наши установки работают более чем в двух десятках типографий России.

В течение 2020 года разработан и запущен опытный образец 3D SLM-принтера аддитивной технологии печати. Принтер по своим параметрам и возможностям не уступает лучшим образцам, производимым в США и Германии.

— В общем, конструкторское бюро хорошо вписывается в структуру современной типографии.

— Да, как и собственное издательство, позволяющее предлагать индивидуальные концепции при подготовке календарей, книг, альбомов.

Третье направление деятельности связано с разработкой и изготовлением развивающих игр и образовательных проектов, в том числе анимированных, для детей разных возрастов.

« При подготовке каждого проекта редакция издательства сотрудничает с профессиональными экспертами по конкретному направлению — историками, социологами, методическими объединениями, представителями вузов.

— Кто ваши заказчики, кроме авторов, желающих увидеть своё творение напечатанным?

— Нашими постоянными заказчиками являются администрации края и города, профильные министерства и вузы, представители нефтяной промышленности, машиностроения, ядерной энергетики, космической отрасли.

— Это прекрасно. Но как потребитель скажу: мало красивой и информативной продукции о Красноярске! Собираясь к друзьям в другой реги-

он, я не могла купить в киосках Розпечати набора открыток или небольшую (не роскошную) книжечку в подарочном варианте. Такое администрации вам не заказывают?

— Наверное, вы не там искали. Мы выпускаем много книг, альбомов о людях и достопримечательностях города, календарей, буклетов. Смотрите в книжных магазинах.

— А в принципе такая продукция востребована, ею выгодно заниматься?

— Скорее, это продукция патриотического свойства. Не сказать, что печатаем себе в убыток, но и прибыли больших она не приносит. Зато это всегда качественно, нашу продукцию высоко оценивают и покупатели, и профессионалы.

— В чём секрет успеха?

— Всеми издательскими проектами руководит Елена Щелканова, моя жена. Я отвечаю только за то, чтобы качественно положить краски на бумагу. Такой вот тандем.

— У вашей типографии действительно немало достижений, наград. А самому что душу греет?

— Всё! Книги же, как дети: выношено, выстрада, на сто раз проверено и перепроверено! А уж когда лист выходит из машины, зависаешь над ним, забывая о времени. Больше всего люблю издавать книги по истории края, Сибири. Пока самая любимая — монография основателя нашего краеведческого музея, человека многих знаний и многих достоинств Александра Игнатьевича Кытманова: «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594-1893 годъ». Напечатана она в подарочном варианте.

— Чем ещё увлекается руководитель такого большого и многофункционального предприятия?

— Люблю летать на мотопараплане и вертолёте, фотографировать.

— Не собираетесь издать свой авторский альбом, скажем, с видами города, сибирской природы?

— Пока не думал об этом, хотя мой собственный фотоархив достаточно богат. Когда летаю над городом, всегда снимаю, особенно на закате и ночью. Ночной город завораживает! Я побывал в 56 странах, но нигде мне не хотелось остаться надолго. Такая магия у Красноярска!

Из школьной программы мы знаем, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом». Позволю себе добавить, что человек так же неисчерпаем, как Вселенная, и мой визави полное этому подтверждение!

ЗНАЧИМЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ «ПОЛИКОРА» ЗА 2021 ГОД:

- лауреат ежегодного национального конкурса «Книга года-2021» в номинации «Искусство книгопечатания» за фотоальбом «Енисейская Сибирь. Вдоль великой реки»;
- лауреат XVII Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» в номинации «Люди нашего края» за издательский проект «Людвиг Вонога. Фотограф на выезд»;
- финалист XVII Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» в номинации «Увлекательное краеведение» за образовательный проект «Огневые рубежи. 1941-1945»;
- победитель в региональном конкурсе «Книга года — 2021» за издательский проект «Фотолетопись старинного Минусинска».

В АПРЕЛЕ 2022 ГОДА ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ XIV ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «КОРПОРАТИВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ — 2022». Настенный календарь «Звуки природы» издательства «Поликор» для Горно-химического комбината Железногорска стал лауреатом в трёх номинациях:

- «Лучший корпоративный календарь 2022 года»,
- «Оригинальный формат»,
- «Приз зрительских симпатий».

Календари «Летопись Енисейской Сибири» для Законодательного Собрания Красноярского края и «Вектор будущего» для Красноярской железной дороги удостоены дипломов II степени.

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

Прогулка в пункт назначения

Пригородная автоэкскурсия по старому Транссибу и местам крупнейших техногенных катастроф XX века в окрестностях Красноярска — согласитесь, предложение уникальное. С автором этой и ещё ряда эксклюзивных идей мы встретились в его офисе на Дубровинского, где из окна открывается великолепный вид на Енисей и Коммунальный мост.

История одной панорамы

Илья КУЗНЕЦОВ — управляющий юридической фирмой, а краеведение его хобби. Свою историческую сущность юрист проявляет с первых же минут: приблизившись к окну, предлагает мне взглянуть на современную панораму города из прошлого:

— Если перенестись в XIX век, то мы с вами находимся в слободе Тербиловка. По существу, это не центр, а криминально-промышленная окраина Красноярска. Видите остров Посадный? Сейчас там парковая зона, а в тот период была промзона, аналогичная КраЗу, потому что здесь находились лесопилки Льва Либмана, механический и литейный заводы Кнорре, зимняя стоянка пароходов, купальни и т.д. Район был весьма тревожным.

Илья — красноярец, сибиряк в третьем поколении, собственную родословную знает как Отче наш. Рассказывает, что среди его предков были и минусинские староверы, и столыпинские переселенцы из Белгородской губернии, раскулаченные в 30-е годы прошлого века. Жила родня в районе старого Боготола, в деревне Ильинка. В честь этой деревни и назвал его дедушка Ильёй.

У каждого человека есть потребность в самореализации. Илья Кузнецов с детства увлекался историей и даже собирался поступать в Российский государственный гуманитарный университет. Но когда оканчивал в начале лихих 90-х школу (сейчас гимназия №13 в Академгородке), родители посоветовали най-

ти «нормальную» профессию. Поступил на юридический факультет в КГУ, но интерес к истории не угасал.

— Я называю себя гидом, но мыслю и веду себя как экскурсовод. Гид — это всего лишь человек, который знает местные достопримечательности и может их показать. Перед ним не стоит задача рассказывать про историю, культуру. А экскурсовод должен выстроить логичную и последовательную цепочку. Допустим, для меня экскурсия по Тербиловке — целая история противостояния криминалитета, граждан и полиции.

«
Когда людей погружаешь в быт обитателей XIX века, жизнь которых была, наверное, более суровой, чем на диком Западе, — это производит интересный эффект!»

Старая дорога

У всех экскурсий, которые проводит Илья, есть один признак: они связаны с его местом жительства, десятилетиями. Это привычные для него «пункты», с которыми знаком с детства, но теперь ему открылась их глубинная история.

— Я жил в Октябрьском и Железнодорожном районах Красноярска.

Как свои пять пальцев знаю окраины Николаевки, Академгородок, окрестности в районе Успенского монастыря. Уже на третьем десятке лет мне стала интересна история этих мест. Одним из первых моих экскурсионных маршрутов стала Монастырская дорога, которая ведёт от Свято-Успенского мужского монастыря до Гремячего лога и построена в 1874 году.

— Как удалось её найти?

— Сейчас она по большей части разрушена, но тем не менее на местности хорошо просматривается. Несколько лет назад в интернете появились снимки из фотоальбома «Великий путь» 1899 года, посвящённого открытию сквозного движения по Транссибу. Там увидел несколько фотографий, где были чёткие ориентиры, например железнодорожный мост. На одном из снимков узнал Гремячий ключ, его вид с южной стороны. Смотрю, там куча богатых построек, разрушенный мост. А если дорисовать в воображении вышку телебашни и микрорайон Орбита, то всё встаёт на свои места.

Оказывается, в 70-80-е годы XIX века здесь была обжитая, популярная, развитая местность. Как выяснилось, дорогу построили всего за 4 месяца. Её длина около трёх километров. Это скальная полка на высоте примерно 20-30 метров над уровнем Енисея (люди опасались наводнений). На ней — более 13 мостов, а в начальной части — керосиновое освещение. Автором проекта дороги был губернский архитектор А.А. Лосовский — ему также принадлежит проект дома Н.Г. Гадалова (ныне здание «Детского мира»), келейно-

го корпуса Успенского монастыря, плашкоута-«самолёта» — самоходной паромной переправы через Енисей.

Я долго в себе это открытие переваривал, ходил, изучал. Обнаружил элементы деревянных ограждений, оставшиеся от старой дороги. Она сохранялась вплоть до 30-х годов прошлого века, пока в районе железнодорожного моста не построили Мелькомбинат. Меня поразило сам её масштаб, захотелось рассказать об этом другим. Одно дело — просто вести исторический блог, но мне важнее обменяться эмоциями с людьми. Хочется, чтобы они пережили хотя бы часть того, что испытал я.

Сначала тестировал маршрут, водил экскурсии для друзей и знакомых как волонтер, а с осени прошлого года стал набирать группы. Когда рассказываю о чём-то, стараюсь концентрироваться именно на бытовых деталях. Пересказ дат возведения тех или иных построек, упоминания, кто из выдающихся людей здесь жил-творил-бывал, такого эффекта не дают. Нужно копать гораздо глубже. Большая удача для гида-рассказчика не просто зацепить слушателей историей места, но добиться, чтобы участники ощутили себя обитателями старого Красноярска, поняли, что окружало и волновало тогда людей. И если эффект погружения удастся, то это здорово!

В кольце катастроф

Один из самых востребованных и протяжённых маршрутов Ильи Кузнецова — «Пункт назначения» — проходит через места крупнейших

технокатастроф XX века. Семь часов в пути и расстояние более 160 километров. Экскурсанты посещают самую популярную точку стихийного споттинга у восточного торца взлётно-посадочной полосы аэропорта «Красноярск»; мемориалы катастрофы иркутского рейса №3519 (1984 г.) и Мининской железнодорожной катастрофы (1959 г.). Илья рассказывает шокирующие подробности об этих событиях. Несколько раз в ходе маршрута приходится пересекать старый Транссиб, и есть возможность лицезреть чудом сохранившиеся образцы инженерной архитектуры XIX века, слышать истории об индустрии железнодорожных перевозок того времени и строительстве дороги. И это ещё не всё.

Одним из пунктов маршрута стали остатки советского ядерного щита — заброшенные депо боевых железнодорожных ракетных комплексов (БЖРК) «Молодец» и база 241-го ракетного полка 36-й Венской дивизии РВСН (ракетных войск стратегического назначения). Здесь Илья рассказывает остросюжетную историю взрыва баллистической ракеты УР-100 в августе 1967 года, когда погибли 13 военнослужащих и гражданских специалистов.

Такова жизнь

Интересна сама история возникновения экскурсионного проекта «Пункт назначения».

— Мои бабушка с дедушкой в прошлом геологи. У них была дача в СНТ «Геолог» на платформе Лесная, — рассказывает Илья. — С пяти лет я там всё лето ошивался возле развалин старого железнодорожного моста через Гладкую Качу и видел странные дороги и железнодорожные ветки, уходящие в лес. Когда повзрослел, благодаря интернет-сервисам получилось хорошо рассмотреть то, что находится рядом. Понял: буквально в 7–10 километрах от нашей дачи находится то, что напоминает атомный лес из фантастической повести братьев Стругацких «Обитаемый остров». Не какая-то привычная тайга, а суровый лес, нашипованный недобрым железом.

Оказалось, что и Транссиб, по которому ты всё время ездил, не совсем тот, что был изначально. Кое-где хорошо сохранились участки, построенные в те годы, и по ним видно, что эта дорога — грандиозный памятник инженерного искусства XIX века. Года три назад, по мере сбора информации, мне пришла в голову идея объединить названные пункты в некий кольцевой маршрут. Да, их узловыми точками являются места техногенных катастроф, и за это меня не раз пытались осуждать представители турбизнеса (я называю их «полицией скорби»). Говорили: зачем, дескать, привлекать людской интерес к местам катастроф, страданий? По их мнению, это неэтично. Я так не считаю.

Когда рассказываю о трагических событиях, не концентрируюсь на смерти, на количествах жертв. Любая катастрофа, если она происходит, будь она техногенная или природная, позволяет оценить состояние государства и общества в тот момент. Взять хотя бы катастрофу иркутского борта. Само по себе место ничем не примечательно: рощица, обелиск, где валяются обломки, их до сих пор находят и складывают у подножия. Но история этой катастрофы позволяет рассказать, как появился красноярский аэропорт «Емельяново», в условиях какой штормовщины это произошло, какие вещи объективно пред-

шествовали катастрофе и какие авиакатастрофы в целом происходили в крае. Кстати, в сборе информации мне помог портал «Мемуарист». Его создатели находят и выкладывают в общий доступ дневники, воспоминания, мемуары. Причём все материалы отфильтрованы, можно вести поиск как по времени, так и по географическим точкам. Кроме того, я достаточно много читал воспоминаний лётчиков, сотрудников красноярского авиаотряда.

Магические порталы

Маршрут «Пункт назначения», по словам самого Ильи, оказался тяжёлой работой. Бывает, набирается довольно большая группа, люди едут сразу на нескольких машинах. Все пояснения гид даёт на основных локациях. Иногда, пользуясь тем, что на маршруте устойчивая сотовая связь и интернет, экскурсовод организует голосовой вызов и по громкой связи делает пояснения, не прерывая движения.

— Одной из самых интересных точек «Пункта назначения» являются порталы старого Транссиба 1895 и 1906 годов. Эти постройки по масштабу и качеству исполнения похожи на сооружения Кругобайкальской железной дороги.

« — На старом Транссибе можно увидеть вензеля, герб министерства путей сообщения с якорем и лопатой. Представьте, сооружения почти 130 лет, и ни одна плитка не отлетела. Они обладают какой-то магической притягательностью! »

Однажды мы двигались по маршруту, по пути хорошо был виден водопропускной портал 1906 года, проходящий под полотном железной дороги. Я заранее всех предупредил: пассажирам можно посмотреть объект на ходу, а тем, кто за рулём, нужно быть осторожными — впереди крутой спуск. Несмотря на это, один из водителей засмотрелся и ушёл в кювет. К счастью, машину не повредил, и вскоре наш «караван» продолжил движение.

Целевая аудитория

— Основная целевая аудитория моих экскурсий — либо жители города, либо наши ближайшие соседи. Им интересно, глядя на дагерротип, дорисовывать прошлое в своих фантазиях, а моя задача — разбудить их воображение, — поясняет Илья.

Гид вспоминает, как интересно было возить железнодорожников по Транссибу. Профессионалы лучше других знают современную дорогу, но, как выяснилось, совершенно не представляют, каким был Транссиб изначально. Они очень удивились, узнав, что маневровый локомотив, встреченный в пути, является развитием модели тепловоза, который поставляли по ленд-лизу США в годы Великой Отечественной войны. А ровесника тех тепловозов — паровоз серии СО, который выпускали на Красмаше, сейчас можно увидеть только в качестве музейного экспоната на железнодорожном вокзале Красноярска.

— Как-то раз мы проехали «Пункт назначения» с бывшими ракетчиками. Не все из них служили в этих местах, но им интересно было разбедить воспоминания молодости, посмотреть, сравнить. А мне как юристу, связанному со строительством и энергетикой, в будущем было бы интересно вывозить на экскурсии предпринимателей, связанных с этими сферами, потому что тогда я смогу говорить с экскурсантами на одном языке.

По словам Ильи, наибольший интерес к городским и пригородным экскурсиям проявляют женщины 40+, вообще это у большинства гидов основная аудитория и основной массив подписчиков исторических пабликов.

Гарантии достоверности

Любовь к истории и системное мышление юриста сделали своё дело. Авторские экскурсии по уникальным маршрутам, которые Илья Кузнецов анонсирует в социальных сетях, в том числе в своём телеграм-канале «Гид в нетуристическом городе», набирают популярность. Дело в самом рассказчике, в его личности и страстном желании докопаться до скрытых фактов.

— Для меня история с экскурсиями вообще не про деньги, — говорит И. Кузнецов. — Хотя самозанятость, как и положено, оформил, но, по сути, нахожусь сейчас на начальной стадии: нарабатываю некий объём авторских экскурсий, знания предмета, оттачиваю навыки выступления перед аудиторией.

Если говорить об источниках информации, то изучаю, например, научные публикации историков, занимающихся проблематикой Сибири XVIII–XX веков, но главное — пользуюсь цифровыми архивами крупнейшей библиотеки мира. Практически все музеи России в 2000-х годах провели большую работу, оцифровали свои фотоархивы в рамках проекта Библиотеки Конгресса США, которая, в свою очередь, открыла свободный онлайн-доступ ко всем имеющимся архивам. На этом ресурсе можно найти даже материалы из фондов Красноярского краеведческого музея.

— Если говорить о прошлых катастрофах и объектах, ранее считавшихся секретными, то и сейчас не вся информация лежит на поверхности. Приходилось ли вам обращаться, например, в архив МВД?

— Я популяризатор истории, а не учёный. В «Пункте назначения» рассказываю о боевых железнодорожных ракетных комплексах в пригороде Красноярска, помня, что публикации на эту тему уже не являются секретными. Открыты для всех воспоминания очевидцев о причинах катастроф, о людях, служивших на базе боевого железнодорожного ракетного комплекса в 241-м ракетном полку. Информация о поездах, которые несли там боевое дежурство вплоть до 2002 года, тоже абсолютно открыта, коль скоро они сняты с вооружения.

А вот в истории Мининской железнодорожной катастрофы 1959 года ещё много непонятного. Почему до сих пор не могут установить имена жертв и всё покрыто тайной? В те годы система продажи железнодорожных билетов была обезличена, но известно, что в поезде ехала делегация пионеров. Это было 2 июня, после Дня защиты детей. Ребят направляли на отдых в Хакасию. По факту катастрофы было возбуждено уголовное дело, но его материалы не сохранились. Нет и приговора суда, который позволил бы понять при-

чины. Правда, есть воспоминания очевидцев и, как ни странно, источником данных о потерявшихся жертвах стал архив нотариальной конторы Ленинского района, где неожиданно нашлись свидетельства о праве на наследство, выданные в июле 1959 года родителям пропавших детей, а наследственным имуществом были страховые выплаты.

Разрыв шаблона

Илья признаётся, что ему нравится проводить экскурсии не только вокруг Красноярска:

— Сейчас думаю об организации туров между сибирскими городами за пределами Красноярского края. Например, замечательные гиды есть в Томске, хотелось бы с ними наладить взаимодействие и обмен. Не только я мог бы отправлять в этот город группы, но и оттуда присылали бы туристов в Красноярск. Мне кажется заманчивой трёх или четырёхдневная экскурсия «Красноярск — Ачинск — Мариинск — Томск». Все эти города купеческие, каждый со своим историческим центром. Туристы получили бы массу впечатлений!

А ещё Илье удалось наладить дружбу с SUP-клубом «DOSKA», организующим прогулки на сапбордах по Енисею. Экскурсовод считает тему очень перспективной, и с лета прошлого года в порядке эксперимента, по приглашению этого клуба, он принимал участие в водных прогулках по Енисею вдоль Монастырской дороги в качестве гида.

— Это была экскурсия с остановками на неких ключевых локациях. По-моему, тема зашла, и мы будем её дальше развивать. Причём у меня есть идея SUP-лагеря для сёрфингистов на озере Большое в Шарыповском районе с экскурсионной программой. Сейчас это озеро и его окрестности воспринимаются только как место для пашлыков и расслабления, на самом деле — это интересный экскурсионный район, где можно проводить тематические экскурсии, охватывая сразу несколько эпох.

Енисей вообще даёт нам огромные возможности, жаль, что они пока не реализуются. Вот если бы у нас был туристический маломерный флот, то экскурсии могли бы стать привлекательными и для гостей из других регионов. Красноярск, конечно, не Амстердам, но и у нас все основные культурные исторические объекты связаны с рекой.

Сейчас Илья готовится пройти курсы повышения квалификации и тем самым выполнить требование Федерального закона №93 от 20 апреля 2021 года об обязательной аккредитации экскурсоводов при наличии специального образования.

— Как юрист я понимаю, что причиной появления этого ФЗ явилось желание государства защитить интересы потребителя. Хотя, на мой взгляд, адекватным механизмом защиты права людей на получение качественной информации является рынок. В последнее время я стал замечать: благодаря тому, что эсэм-эмщики умеют наращивать аудиторию, они стали как бы выполнять функции гидов. Это одна из особенностей местного рынка. То, что они делают, вовсе не плохо. На это есть спрос. Зачастую человеку всего-то и надо, что съездить куда-то и сделать хорошее фото для соцсетей, селфи. Я же эмоции немного другим пытаюсь пробудить — не просто классный вид или необычные руины, а... назовём это разрывом шаблона: показать, погрузить в эпоху и этим удивить.

Текст _ Андрей КУЗНЕЦОВ

«Мамонта вы ещё откопаете, а уникальный автомобиль можете потерять навсегда»

В Красноярске далеко не каждый музей с историей может похвастать тем, что некоторые его посетители специально едут для этого из других городов и регионов. Самый молодой и неформальный красноярский музей «Авто-Ретро» — похвастать может.

Этот музей на окраине Красноярска в Свердловском районе даже жителю краевого центра непросто найти. По сути это большой гаражный бокс, каких немало в промзонах города, но с облагороженным фасадом. Адрес - улица Парашютная, 90 строение 20. И тем не менее с момента открытия «Авто-Ретро» в начале 2022 года поток посетителей по стандартным рабочим дням музея — суббота и воскресенье — сюда не иссякает. Позавидовать могут профессиональные музеи. «Авто-Ретро» создал тоже профессионал, но из «немусейной» сферы — автомобильной.

Александр КНАПНУГЕЛЬ известен в Красноярске как один из ведущих автобусных перевозчиков. Александр Эдуардович сказал, что сейчас большую часть управления бизнесом он передал сыну. Сам ныне воплощает своё увлечение молодости: модели в масштабе 1:43 воссоздаёт в реальных машинах «один к одному».

— Я всю жизнь занимался моделями автомобилей, всю жизнь интересовался советским автопромом, лет 30 собирал модели. Они сейчас стоят в рабочем кабинете. А потом я случайно напал на автомобиль ГАЗ-67, точнее на то, что от него осталось... Ну, и собрал его для того, чтобы в деревню ездить.

— Это легко сказать «взял — собрал», но нелегко сделать.

— Два года на это ушло. А потом в 2013 году тогдашний министр транспорта края Сергей Васильевич Ерёмин увидел эту машину и попросил меня организовать среди таких же любителей, как я, выставку на острове Отдыха, посвящённую 50-летию транспортного факультета СФУ. Собрали мы машин 15-17. После этого Сергей Ерёмин попросил: «Давай сделаем музей транспорта».

— Но ведь это денег стоит немало...

— Он помог с помещением, с оборудованием. И мы стали искать и восстанавливать машины. Неофициально существуем с 2013 года, а официально 14 декабря 2014 года зарегистрировано НКО «Цех сохранения ретроавтомобилей и дорожной техники». На сегодняшний день у нас

около 50 восстановленных автомобилей, плюс мотоциклы.

— Кто-то из тех, кто приехал на выставку ретроавтомобилей в 2013 году, вошёл в ваше НКО или поддерживает с вами связь? Ведь разрозненных любителей старинных автомобилей в нашем городе и ранее было немало. И не только частных лиц: Политехнический институт в своё время восстанавливал знаменитые «полуторку» (ГАЗ-ММ) и «Захара» (ЗиС-5), компания «КрасГАЗ-сервис» — легендарную «эмку» (ГАЗ-М1) и другие машины Горьковского автозавода.

— Восстановление старинных автомашин стоит больших денег. Первое время у нас тут постоянно бывали 15-20 энтузиастов, которые пытались что-то сделать со своими машинами, мне помогали. Но жизнь вносит свои коррективы. У многих появились семьи, дети, другие заботы — не стало времени для увлечения, появилась более важная необходимость зарабатывать деньги. Поэтому постепенно я остался почти один. У меня натура такая: начал дело делать — жалко его бросать.

— Любители ретроавтомобилей делятся на две категории. Одни стремятся восстанавливать автомобили максимально близкими к оригиналу. Другие, сохранив внешний облик старинной машины, стараются внутри сделать её современной, приспособить к обычной эксплуатации или даже сделать роскошный шоу-кар, лишь внешне напоминающий оригинал.

— У меня в музее только те автомобили, которые соответствуют состоянию вышедших в год их рождения с завода-изготовителя. Иной раз для того, чтобы собрать такую машину-оригинал, нужны 2-3 автомобиля-донора. Все эти поделки с современными мощными двигателями — не для меня. Ведь цель музея — не просто восстановить и сохранить внешний вид автомобиля, а показать его именно таким, каким он выходил с завода-изготовителя. Какие тогда были двигатели, какие подвески, какие рессоры и т.п. У всех наших автомобилей единственное, что не заводское — это всевозможные шланги, хомутики и др.

— Именно об этом я и хотел спросить. Ведь металлическую деталь можно снова сделать по чер-

тежам — что-то отлить или выточить. А как быть с резиновыми и пластмассовыми элементами?

— В Санкт-Петербурге есть организация «Ретродеталь». Они восстанавливают и даже изготавливают старые детали. Берём у них некоторые запчасти.

— То есть в России теперь тоже это есть? Это я к тому, что за рубежом давно существует целая сфера производства и услуг по восстановлению и поддержанию в рабочем состоянии старинных автомобилей.

— Да. Например, крылья к ГАЗ-АА мы привезли из США, ведь этот наш грузовик — лицензионный Ford-AA.

Тем не менее ещё раз подчеркну — на нашей выставке вы не найдёте автомобиля, который бы не соответствовал машине завода-изготовителя. Более того, у нас есть три грузовых «Москвича» 400-й модели, ни одного экземпляра которых в России не сохранилось. Так мы их заново строили по чертежам завода-изготовителя, за которыми я лично ездил в Москву. И «Буратино» (фургон с деревянным кузовом) получился у нас даже лучше, чем у реставраторов в Москве!

Вот автобус деревянный стоит — единственный такой в России. Мы его полностью расшивали, восстанавливали и заново переделывали по оригинальным чертежам все деревянные сочленения. Наша главная цель при восстановлении машины — ни на йоту не отходить в сторону.

— Как вы определяете, какая машина достойна восстановления и того, чтобы занять место в экспозиции музея? Вот, например, зачем вам три 400-х «Москвича»...

— Они все разные. И истории создания этих моделей разные.

Вот стоит фургон «Сосиски». Это в 1953 году, когда в Москве ГУМ открывали, понадобился автомобиль для перевозки мелких партий продовольственных товаров: тортов, колбас и т.п. Серийно такие машины в СССР тогда не выпускали. Руководство Москвы заказало, и сделали партию всего из 20 таких автомобилей.

А история появления «Буратино» такова. После Великой Отечественной войны в стране появилась потребность в машине для перевозки малых партий почты, посылок, мелочи из теле-

фонов-автоматов. При этом в стране был дефицит стали. Поэтому всю ходовую часть и перед фургона делали на Московском автозаводе, а заднюю «грузовую» часть изготавливал авиационный завод, имеющий большой опыт работы с деревянными конструкциями.

Естественно, такие машины долго не ходили. Дождь, снег, слякоть быстро выводили деревянные конструкции из строя. Потому-то ни один их экземпляр не сохранился до наших дней.

— **То есть вы находили серийный легковой 400-й «Москвич» (такие или их останки ещё можно найти) и по заводским чертежам строили его уникальную грузовую версию?**

— Ну, у нас по-разному получается. Сейчас, например, восстанавливаем «Виллис» (Willys MB — военный внедорожник США времён Второй мировой). Вообще-то «Виллисом» его трудно назвать: машине, точнее — тому, что от неё осталось, 80 лет, была в куче рук, стояла в огороде, двигателя нет, мосты пустые. Это не «Виллис», а силуэт «Виллиса».

Я обычно начинаю изучать машину по интернету: все фотографии, схемы, техническую документацию. И уже потом начинаю думать, что и как восстанавливать. Вот, например, как восстановить мост «Виллиса»? Редуктор уцелел, но полуосей нет. Мы подобрали первичные валы коробки передач от ГАЗ-24, сейчас обрезаем их и делаем полуоси.

Двигатель «Виллиса»... Ни для кого не секрет, что нашим конструкторам зачастую было легче что-то взять от импортных конструкций официально или неофициально, чем разрабатывать это самим. Двигатель нашего ГАЗ-69 по большинству конструктивных параметров и даже внешне — аналог двигателя «Виллиса».

— **Большинство автомобильных музеев — это экспозиции легковых машин. А у вас и грузовики, и автобусы...**

— Я объездил едва ли не все автомобильные музеи в России, они действительно «легковые». Исключение — музей «Мосгортранса», но и там только 4 автобуса и 2 грузовика. В Санкт-Петербурге — городской электротранспорт и несколько автобусов. А общего собрания «работяг» (автобусов, грузовиков, спецмашин и др.) нигде, кроме как у нас, нет. Причина проста: восстанавливать и экспонировать эти машины дороже, и меньше возможностей найти к ним запчасти. К тому же многие энтузиасты ретро-техники восстанавливают её в своих гаражах, рассчитанных на габариты легкового автомобиля. Грузовик или автобус туда не загонишь.

Поэтому я выбрал для музея генеральное, можно сказать, эксклюзивное направление: техника, которую в СССР не продавали в личное пользование.

«*В чём особая трудность восстановления автобусов и грузовиков? В Советском Союзе была дурацкая система списания автотранспорта в государственных предприятиях. Создавали комиссию: чтобы списанный автомобиль или его узлы и агрегаты никому не достались, машину надо было порезать, сдать в металлолом и получить об этом справку. Только после этого автомобиль снимали с баланса.*»

Помните, сколько в Красноярске было «Икарусов»-гармошек? (Ikarus 280 — хорошо знакомый россиянам средних и старших поколений сочленённый городской автобус большой вместимости.) Ни одного такого в городе не осталось! Почему? Все порезали! «Икарус», который стоит в нашем музее, привезён из Будапешта.

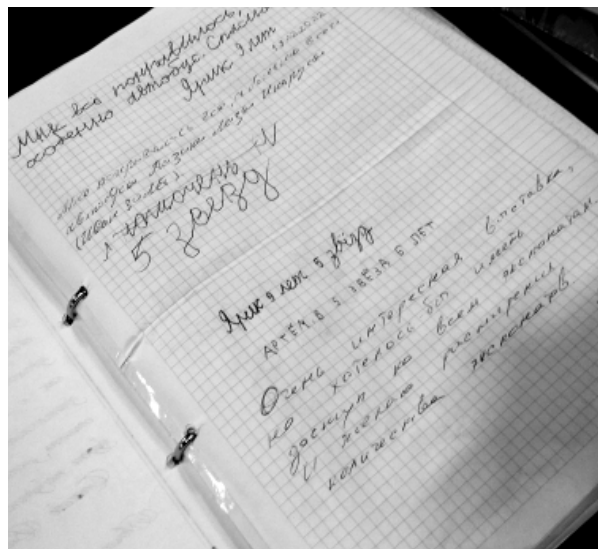
Мы немного опоздали. Надо было начинать создавать такой музей в 90-х. Когда зарплаты не было, денег не было, люди за бесценок сдавали в металлолом всё, что могли привезти. В том числе и технику в достаточно хорошем состоянии.

В принципе, и сейчас можно найти интересные экземпляры. Например, стоит в Дивногорске на постаменте недалеко от Красноярской ГЭС

уникальный самосвал МА3-525 (годы выпуска 1951-1965). Это единственный в мире уцелевший экземпляр (из более 600 выпущенных) знаменитого «четвертака» — символа больших советских строек 50-60-х годов, в том числе за рубежом! Я предлагал: снимите, привезите к нам, дайте денег на восстановление и заберите его обратно! Вы получите не мёртвую грудку металла в виде «силуэта» знаменитой машины, как сейчас, а рабочий экспонат, который можно будет завести, который сам будет ездить на радость и удивление любых туристов и других гостей. Низзя!..

В Партизанском районе стоит ГАЗ-АА, годы выпуска 1932-1938. Там старичок какой-то был инициатором поставить его на постамент. Крыша сгнила, весь ржавеет. Я предлагал им другую ретромашину взамен, а эту «полторку» хотел забрать на восстановление, поскольку в ней всё заводское, только в плохом состоянии. Нет!

В Минусинске стоит МА3-502 (годы выпуска 1957-1966) на территории бывшей автоколонны, которой на самом деле давно нет. Чтобы решить вопрос и передать его нам на восстановление, губернатору достаточно телефонную трубку снять. Но, увы...

— **Кто и как приходит в музей? Чем люди интересуются?**

— Вообще, я не ожидал такого ажиотажа вокруг музея. У нас есть сайт в интернете и своя страница в ВКонтакте, мы там публикуем наши материалы, пишем, чем занимаемся. Раньше раз в год мы бесплатно проводили День открытых дверей. В этом году решили, что экземпляров восстановленной техники накопили достаточно и можно открыться для посетителей. Зарегистрировали кассовый аппарат, оформили документы, утвердили в администрации цену билетов, открыты по субботам и воскресеньям. Первый месяц народ валом валил! Потому что такого музея никогда в городе не было. В книге отзывов одни положительные отклики. Единственное, на что сетуют посетители — света у нас в боксе маловато. Люди, даже молодые, подходят, благодарят, руку жмут. Причём вроде бы мужская тема — рабочие автомобили, но нравится и женщинам.

Помощь от властей если и есть, то минимальная. Виктор Толоконский в бытность губернатором помог оформить на нас бокс, в котором располагается экспозиция автомузея, и с подачи мэра нас освободили от платы за электроэнергию. А чтобы что-то конкретное помочь сделать...

Вот сейчас ликвидировали автошколу на улице Соревнования. Я хочу сделать в музее ещё одну экспозицию — автошколу советского периода. В закрытой автошколе сохранилось оборудование, стенды, макеты узлов и агрегатов, плакаты времён СССР. Я отвёз соответствующее письмо, и теперь там решают, отдать всё это добро мне или просто выкинуть на свалку!

— **У вас все экспонаты на ходу?**

— Да. Мы 9 Мая на парад ездим. По заказам выезжаем, как, например, ГУ МВД края заказывало у нас машины (ГАЗ-67 и «Волгу»-кабриолет), чтобы ездить поздравлять ветеранов. Милицейский ГАЗ-69 традиционно просят у нас на День милиции (с 2011 года официально называется День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации). Алюминиевый автобус ЗиЛ-158 три года подряд на День металлурга отправляется на КраЗ (который и помогал его восстанавливать) и месяц там возит экскурсии по заводу.

— **А могут обычные красноярцы хотя бы в какой-нибудь праздник проехать по городу на автобусах, которые они ещё помнят? Тех же ЛиАЗах, ЛАЗах и «Икарусах»?**

— Я не имею права их эксплуатировать и возить людей, потому что сегодня эти автобусы никогда не пройдут техосмотр. Не из-за того, что неисправны, — они у нас технически в идеальном состоянии — а из-за того, что требования к такой технике изменились. Вот есть у меня люксовый «Икарус», но чтобы посадить на него людей, я должен оснастить его ремнями безопасности, тахографом и т.п. Но тогда теряется вся аутентичность.

Мы собрали почти все основные модели автобусов, которые в советское время работали в Красноярске. Не хватает трёх. Первый автобус, пришедший в Красноярск в 1934 году, — ГАЗ-03-30 на шасси «полторки» ГАЗ-АА. На линии он не ходил, был служебным. В январе 1941 года в Красноярске был открыт первый автобусный маршрут от железнодорожного вокзала до Стрелки, на котором работал ЗиС-8. Следующим типом автобуса, появившимся в Красноярске, был ЗиС-16.

У нас столько крупных компаний работают в крае — почему бы кому-то из них не купить для музея такие машины? Тогда бы у нас была полная линейка красноярских автобусов. И мне не важно, чьими они будут числиться, пусть будут в их собственности или передадут музею, — главное, что мы сможем показать людям полную историю красноярского автобуса!

— **У каждой машины в вашей экспозиции есть своя история. Кто-то рассказывает эти истории посетителям? Ведь одно дело — просто смотреть на раритетный автомобиль, и совсем другое — узнавать интересные эпизоды биографии.**

— Около каждой нашей машины на стойке размещена информация о ней. В том числе фото, в каком виде этот автомобиль нам достался, снимки его поэтапной реставрации. Мы заключили договор с Трудовым отрядом Главы города, школьники намерены сделать виртуального экскурсовода. Посетитель, подойдя к любой машине, сможет сканировать код на её стенде и прослушать подробный комментарий по ней на своём телефоне. Пробуем мы работать и с традиционными экскурсоводами.

— **В Иркутске с 2014 года работает частный «Музей ретромототехники и предметов быта эпохи СССР», также основанный энтузиастом. Начинаясь как музей мотоциклов, а теперь там и автомобили, и не просто отдельные «предметы быта», а целиком воссозданные интерьеры советской эпохи. Признаться, прежде ни один другой музей даже во дворцах не вызывал у меня такую бурю эмоций! Вот бы и в Красноярске было что-то подобное...**

— Когда я ездил, знакомился с разными автомузеями страны, отметил, что у всех у них в числе первых соучредителей соответствующие краеведческие музеи. Я поехал к директору Красноярского краеведческого музея с предложением сделать наш музей их филиалом, как в других городах страны, но от нас откристились руками и ногами.

А чем отличается кость мамонта, которую буквально «облизывают» за бюджетные деньги, от творения рук человеческих — произведения конструкторского и инженерного искусства? Почему наши «свидетели эпохи», которые в памяти тысяч посетителей разных поколений, вам не нужны? Кость мамонта вы ещё потом выкопаете, а машины-то уйдут в металлолом и будут утрачены навсегда!

Я расписывал наши планы и проекты бывшему мэру Красноярска, но он не понял «где выхлоп» у нашего музея... Какой «выхлоп»? Дети придут в музей, посмотрят машины, заинтересуются, возможно, выберут специальность. Вот он — «выхлоп»! Можно сделать какой-нибудь кружок самодельной техники, ведь в советские времена в СЮТах (станциях юных техников) ребяташки под руководством взрослых по всей стране и мотоциклы делали, и автомобили, и тракторы, и катера. Мы же в процессе реставрации кучу ненужных запчастей отправляем в металлолом! Пусть режут, конструируют, что-то своё строят. Это же полезные навыки развивает.

В министерство культуры обращался: в ваших учреждениях учат художников, скульпторов — сделайте в рамках дипломных работ фигуры водителей, кондукторов наших автобусов и машин. Так, например, в «Мосгортрансе» около милициской машины стоит милиционер в форме — и уже совсем другое восприятие! Но никому ничего не надо.

А ведь сообщая из этого музея, которому по экспозиции в России аналогов нет, замечательную картинку можно сделать!

Фото: Илья Немков (krastriathlon.ru)

Смотри! Удивляйся! Участвуй!

Не бывает так, чтобы миллионный город не мог предоставить своим жителям и гостям разнообразную программу спортивных событий и развлечений. Красноярск трудно представить без хоккея с мячом, спортивной борьбы, волейбола и других видов спорта. Можно от души поболеть, сходить, например, на Ломанова или на приезжих звёзд баскетбола, а можно и самим поучаствовать в турнирах любителей и спортивно-развлекательных программах.

Аплодируй мастерам

В Красноярске базируется 13 команд мастеров (мужских и женских), выступающих в премьер-лигах или вторых российских дивизионах. Это хоккей с мячом, футбол, регби, волейбол, баскетбол и хоккей.

Хоккей с мячом — самая скоростная игра в мире. И одно удовольствие смотреть её в исполнении «Енисея», многократного чемпиона СССР и России, обладателя Кубка мира. Мастерство и азарт, кинжальные атаки и гранитная оборона, ликование и свист болельщиков — обязательно окунитесь в эту хоккейную атмосферу на одной из лучших в мире крытых арен!

Красноярские «Енисей-СТМ» и «Красный Яр» вот уже 10 лет подряд никого не пускают на трон российского регби. Одна команда расположена на правом берегу Енисея, другая — на левом. И вы можете себе представить, что происходит, когда сходятся берега? Волны просто закипают, как на поле, так и на трибунах! А увидеть это дерби можно только в Красноярске!

Оба волейбольных «Енисея» выступают во Дворце спорта имени Ивана Ярыгина, на одной из лучших площадок России, выбранной, кстати, и для проведения чемпионата мира-2022. Увы, по известной причине он отменён.

Женский хоккей в России все ещё экзотика. Увидеть его лучшие игры можно только в 8 городах страны. И Красноярск в их числе, ведь здесь базируется команда «Бирюса», под разными названиями 12 раз становившаяся бронзовым призёром чемпионата России.

Не забудем про баскетбол и футбол. Насладиться битвами этих мастеров можно в любое время года.

Увидеть Гран-при

Давно визитной карточкой Красноярска стал международный турнир по вольной и женской борьбе Гран-при «Иван Ярыгин». В нынешнем году он состоялся уже 33-й раз. Участие в нём при-

нимают почти все сильнейшие борцы России, что само по себе гарантирует повышенный зрительский интерес. Ведь россияне — ведущие борцы мира.

Однако в турнире принимают участие и представители ведущих стран мира — США, Ирана, Китая, Турции, Японии и др. Обычно это происходит в конце января, в начале борцовского сезона, задавая ему вектор движения. Стать свидетелем жарких схваток, красивых приёмов, взрыва эмоций — это незабываемо.

Сто километров на педалях

Веломарафон «Красспорт» — культовая красноярская гонка, крупнейшая от Урала до Дальнего Востока. К участию допускаются все желающие, чувствующие в себе силы преодолеть 101,3 километра.

Тут ещё надо помнить, что по шоссе проходит только 60 километров трассы, ещё 30 — по гравийке, а 10 — вообще по земельной дороге.

В прошлом году веломарафон оказался самым холодным — всего +8 градусов и дождь. По земле местами вообще невозможно было ехать, некоторые бежали этот участок и катили велосипед рядом. В результате из 482 стартовавших до финиша добрались 445.

Рекорд же массовости был установлен в 2019 году, когда в «Красспорте» приняли участие 624 велогонщика. География участников — от Калининграда до Владивостока.

Все участники гонки получают эксклюзивные памятные медали. В этом году они сделаны тем же заводом, что изготавливал награды для победителей и призёров Олимпийских игр в Токио!

Большая пятёрка

Большая пятёрка красноярских полумарафонов (21 км) привлекает участников и чёткой организацией, и каждой своей изюминкой.

Например, Рождественский полумарафон — это костюмированный забег. Допускаются и в обычной одежде, но бегуны в костюмах всячески приветствуются и даже поощряются специальными призами.

Весьма престижным считается покорить всю большую пятёрку полумарафонов — Рождественский (7 января), Первомайский (1 мая), «Забег» (май), «Жара» (август) и «Енисей-батюшка» (октябрь).

Некоторые из них становятся настоящим праздником бега. «Жара», самый массовый, предлагает выйти на старт всем — от мала до велика. Детская дистанция — 1 км, далее кому что по силам — 5 км, 10 км и, собственно, полумарафон, который собирает более 1000 человек.

Тысячи метров экстрима

Красноярск располагает уникальным спортивным объектом. Когда в 2009 году распахнул свои двери Центр экстремального спорта «Спортэкс», он считался крупнейшей площадкой в Европе для занятий скейтбордингом, маунтинбайком, паркур, BMX и др. Сейчас позиционируется как крупнейший в Сибири.

Общая площадь скейт-парка — почти 4,5 тыс. кв. метров. Весь же комплекс с гимнастическим и тренажёрным залами, со скалодромом, батутной площадкой, разгонной горкой занимает более 10 тыс. кв. метров.

Заниматься можно как самостоятельно (если вам уже больше 14 лет), так и под руководством тренеров — хоть индивидуально, хоть в группах.

От рыбалки до «заткнуть за пояс Шварценеггера»

Различного рода придумки в Красноярске неисчерпаемы. Взять хотя бы праздник-прикол «Горнолужник», что проходит в фан-парке «Бровый лог».

Бывает «Горнолужник» летний, когда скатываются в искусственную лужу по искусственному желобу кто на чём может — от спасательного круга до корыта. И хорошо, чтоб в костюме. А бывает зимний — когда в ту же лужу, но на сноуборде и лыжах. И тут тоже — и Джек Воробей, и Чарли Чаплин, и родной Чебурашка с Ильёй Муромцем, и прочая, прочая. Весело, ярко, хохмачно! Хоть сам прокатись, хоть рядом повеселись. И номинации этого конкурса — от «сухим из воды» до «лучшие брызги».

Кто же любит воду более спокойную — тут вам и чемпионат по рыбной ловле (подлёдный и на открытой воде), и сплавы по Мане (хоть на двухместной лодке, хоть на двухъярусном плоту). А в наборе — великолепные виды сибирской природы.

Кому ближе красота человеческого тела и демонстрация его возможностей, тому по душе придётся Сибирское силовое шоу (Siberian Power Show). Это международный мультиспортивный фестиваль. Его главные составляющие — бодибилдинг и фитнес. Но есть здесь и силовой экстрим, и бокс, и пауэрлифтинг, и даже чемпионат по пощёчинам — всего около двух десятков видов спорта и направлений. А ещё — флешмобы и квесты, дегустации и автограф-сессии. Это настоящий праздник красоты и спорта. Он уже стал лучшим в России. Почувствовавшие вкус к этому действу красноярцы поговаривают: даст Бог, заткнём за пояс и знаменитый Арнольд Классик, который проводит небезызвестный Арнольд Шварценеггер. То ли ещё будет!

Николай ЩЁКИН